

ЧАРОДЕЙКИ

—ДЕЛИЯ—
РОССИ

◆◆◆ ЧУЖАЯ РОЗА ◆◆◆

Делия Росси

Чужая роза

Серия «Чародейки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66136328
Чужая роза: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137556-0

Аннотация

За два года, проведенных в Ветерии, я успела понять, что от аристократов этого мира лучше держаться подальше. Но что делать, если путь домой лежит через особняк герцога Абьери? И как быть, если сам Алессандро Абьери проявляет ко мне странный интерес? А ведь я не одна, у меня на руках ребенок, ради которого я готова на все. Стать личной служанкой герцога? Прикоснуться к его тайнам? Преодолеть собственные чувства? Обещаю, я со всем этим справлюсь, как и с остальными ловушками судьбы.

А сердце... Что ж, я справлюсь и с ним тоже. Наверное.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	74
Глава 4	106
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Делия Росси

Чужая роза

© Д. Росси, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Алессия Пьезе

Монета упала на темную брусчатку. Тихий металлический звон заставил меня оторваться от разглядывания каменных львов Абьери и опустить глаза. Медный динар вращался прямо у моего подола. Тусклый, потертый, прошедший через многие сотни рук, он крутился все медленнее, пока не остановился и не упал плашмя на пыльный камень.

Я прихлопнула монету ладонью, быстро сунула ее в карман и посмотрела вслед уходящему мужчине в черном. Среднего роста, худощавый, из-под потертого берета выглядывают темные вьющиеся волосы. Одет небогато. Что заставило его кинуть мне динар? За то время, что прожила в Ветерии, я уже успела узнать, что ее жители не отличаются излишним милосердием, да и побирушек не жалуют. Кьер, полкьера – вот и все, что мне удавалось собрать за день, не считая ругательств и насмешек. А тут – целый динар. Поразительная щедрость! Жаль только, что моей проблемы этим не решить.

Я покосилась на невозмутимые каменные морды, украшающие ворота герцогского дворца, и вздохнула.

– Молчите? – прошептала на родном языке. – Не хотите выдавать своих секретов?

В глазах одного из львов мелькнул алый отблеск, но сто-

ило присмотреться, как он тут же пропал. Нет, не торопились магические охранники дворца раскрывать свои тайны. Не хотели делиться ими с чужаками. Вот уже три недели я разглядывала неподвижные мраморные изваяния, но так и не приблизилась к тому, ради чего оказалась в Ветерии. Что скажешь? Невезение...

Ветер донес из траттории аромат запеченного с травами мяса, и живот свело от голода, а перед глазами проплыли заманчивые видения: куски аппетитной свинины, сочащиеся жирным соком ребрышки, золотистая полента, политые соусом каперины. Я представила все это так отчетливо, что рот наполнился горькой слюной, а желудок обиженно заурчал. Да, не часто ему перепадает поесть досыта.

Грохот колес заставил меня отвлечься от грустных мыслей.

– Франческо! – послышался громкий окрик, и я увидела подъехавшую к воротам крытую повозку. На козлах сидел худой светловолосый мужчина с острым, как осколок стекла, лицом. – Где тебя носит, бездельник? – недовольно проворчал он. – Открывай скорей!

– Чего кричишь, Лоренцо? Нетерпеливый какой! Похоже, ты из материнского лона сам в руки повитухи выпрыгнул? – насмешливо ответил ему стражник, крупный детина в яркой желто-синей форме. Он, не торопясь, вышел из караулки, поднял шлагбаум, преграждающий въезд под каменные своды ворот, и громко спросил: – А что, Лоренцо, как в Адуе

погодка? Говорят, дожди зарядили?

– Льет не переставая, света белого не видно, – неохотно ответил Лоренцо и злобно прикрикнул на лошадей: – Ну? Чего встали? Пошли!

Повозка с гулким грохотом проехала под сводами ворот и скрылась во дворе, а стражник опустил полосатый шлагбаум и покосился в мою сторону. На лице его мелькнуло раздумье.

– Все сидишь? – крикнул он мне. – Не боишься ньора герцога прогневать?

Я молча качнула головой и отвернулась.

– А ты рожу-то не вороти, – не унимался стражник. – Здесь побирушкам не место. Иди отсюда.

Он махнул рукой, сопровождая свои слова пренебрежительным жестом, и презрительно поджал губы.

Ох, как же мне хотелось сказать этому мужлану пару ласковых, но я не могла позволить себе такой роскоши, поэтому просто опустила глаза и уставилась на свои стоптанные туфли.

– Ты слышала? – повысил голос стражник.

Он вразвалку двинулся ко мне, заложив большие пальцы рук за пояс и неся вперед свое пузо, как таран.

– Ну? Пошла отсюда!

Стражник навис надо мной, в нос ударил запах чеснока, и я не выдержала. Подняла голову и с вызовом посмотрела в рыхлое, ноздреватое лицо.

– Чего глазюки вылупила? – в голосе мужчины слышался

ся испуг. – Ишь ты, желтые, как у кошки. Ну что ты на меня смотришь? Разжалобить хочешь? Или приворожить?

Он некрасиво оттопырил нижнюю губу и торопливо перекрестился.

– Со мной святые Аброзио и Винченцо, – тихо пробормотал стражник и уже громче добавил: – Иди отсюда, ведьма, нечего у окон ньюра герцога торчать.

– Нет. – Я упрямо помотала головой.

– Что ты сказала?

Двойной подбородок стражника дернулся, а за ним колыхнулся и перетянутый двухцветным поясом живот.

– Я никуда не уйду, – повторила я, надеясь, что стражник не обратит внимания на мой акцент. – И я не ведьма. Навере – свободный город. Тут любой может делать то, что хочет. Закон герцогства.

– Так ты еще и чужестранка? – не оправдал моих ожиданий толстяк. – Гляди-ка, говорить толком не научилась, а законы знает.

Огромный, плотно обтянутый желтым сукном живот колыхался перед глазами, вызывая желание отодвинуться подальше, но я только выше вскинула голову и продолжала пристально смотреть на мужчину.

– Я никуда не уйду. – Голос звучал твердо. Так, словно я в своем праве. Знаю я этих ветерийцев, стоит дать слабину, показать неуверенность – и стражник меня прогонит.

Ветер снова донес аромат мяса и специй, юркий воробей

вспрыгнул на дворцовую ограду, часы на колокольне мелодично звякнули. Я по-прежнему смотрела в выпуклые рыбы глаза нависшего надо мной мужчины. Прошла минута, другая, и стражник сдался. Он выругался, еле слышно пробормотал что-то о настырных ведьмах и о том, куда бы он их всех сослал, а потом вернулся в караулку, и на площади снова воцарилась сонная тишина, нарушаемая лишь однообразным воркованием голубей да скрипом старого платана, растущего у стен галереи.

Алессандро Абьери

Нищенка была странной. Серая юбка – ветхая, открывающая стройные ноги в старых стоптанных туфлях; скрученные в низкий узел медные волосы, слегка удлиненное лицо, красивое дерзкой, тревожащей душу красотой, тонкие загорелые руки, выглядывающие из куцых рукавов рубашки.

Каждое утро нищенка приходила на площадь Варезе и усаживалась прямо напротив его особняка, а потом раскладывала на темных камнях застиранный платок и замирала, уставившись на одного из мраморных львов, охраняющих вход в ворота. В отличие от обычных нищих, эта вела себя тихо: не хватала за руки проходящих мимо жителей Навере, не причитала, не выпрашивала денег. Просто сидела и смотрела на каменного стража – отрешенная, обособленная ото всех невидимой стеной, застывшая в каком-то своем, недоступном для других мире.

Ей подавали. Немного, несколько полкьеров, иногда доброты кидали и кьеры, видимо, как и он, привлеченные необычным лицом и странными, цепляющими душу глазами. Пару раз он видел, как с нищенкой пытались заговорить, но та ни на кого не реагировала – неподвижная и словно закованная в броню своего молчания, она сидела, не шелохнувшись, и пристально смотрела на каменного льва. Почему-то всегда – на левого, с отбитым во времена Ардельского восстания носом. Странная девушка. Что она забыла у его ворот?

Алессандро уперся ладонями в дубовую раму и вгляделся в отрешенное лицо. Расстояние было приличным, но он отчетливо видел ровные темные брови, высокий лоб, ниточку пробора в густых волосах, загорелую кожу, потрескавшиеся пухлые губы. И глаза – яркие, большие, похожие на куски янтаря, в которых отражалось жаркое солнце Ветерии. Они сияли ровным теплым светом и манили, тревожили, будоражили что-то внутри, словно молодое игристое перне.

Алессандро поморщился. Какое ему, герцогу Абьери, дело до немой оборванки? Почему он не может выкинуть ее из головы?

Он наблюдал за ней уже пятый день, и его не отпускало странное, ноющее чувство. Хотелось подойти к бродяжке, поднять ту за руки и заглянуть в осколки янтаря, по какой-то случайности оказавшиеся в ее глазах. Алессандро и сам не мог объяснить зачем, но вот хотелось, и все тут. Глупая, ни-

чем не оправданная блажь.

Тихий стук в дверь заставил его отвлечься.

– Ньор герцог, принесли кольцо от мэтра Фабьени.

Джунио поклонился, изображая почтительность, но Абьери не обольщался. Черные, крупные, как веренские маслины, глаза слуги блестели непокорным духом истинного сына Адуи.

– Скажи, я сейчас спущусь.

– Да, ньор герцог.

На смуглом лице блеснули белые зубы, и Джунио бесшумно исчез за широкими дверями, а он повернулся и с удивлением понял, что картинка за окном изменилась. Площадь Варезе, памятник Велиасу Красивому, сытые голуби, деловито расхаживающие по темным плитам – все это было. А нищенки, всего минуту назад подпирающей стену галереи Авецци, не было.

– Куда она делась?

Гумер, его адский пес, тихо зарычал. В злобных алых глазах мелькнуло пламя, и Алессандро замер, ощущая странную пустоту.

– Да какая разница? – рассердился он.

Далась ему эта девка? Что за странная прихоть? Не хватало еще думать о какой-то оборванке. Но внутри засело неприятное неудовлетворение, и он зачем-то приложил руку к груди – туда, где ощущалась непонятная пустота. Постоял так немного, а потом резким движением задернул штору,

возвращая комнату в полумрак, и пошел к выходу. Гумер неслышно скользнул следом.

Коридор окутал прохладой. Под гулкими сводами прокатилось эхо шагов. Яркие фрески, написанные почти два века назад, показались тусклыми и уродливыми, и Алессандро прибавил шаг, торопясь избавиться от засевшего внутри глухого недовольства.

Стоило спуститься по лестнице, как навстречу кинулся парнишка в традиционной зеленой одежде ювелиров. Стражники сопровождения остались на месте.

– Ньор герцог. – Посыльный низко поклонился, протягивая небольшой футляр. – Мэтр Фабьени велел передать, что все исполнено точно по вашему эскизу.

Парень поднял взгляд, и в карих глазах мелькнуло хорошо знакомое Алессандро нездоровое любопытство. Он давно уже к нему привык и научился не обращать внимания на досужие сплетни, но сегодня все вызывало глухое раздражение, в том числе и чужое внимание.

Он открыл коробочку и равнодушно уставился на сверкающий в бархатной синеве бриллиант. Россыпь сапфиров, окружающих камень, оттеняла холодным сиянием многочисленные грани. Золотая оправа казалась тяжелой и внушительной.

– Ньор герцог, если вам что-то не нравится, – взволнованно произнес подмастерье Фабьени, уловив его недовольство, – мэтр обязательно все переделает, только скажите.

– Меня все устраивает, – закрыв футляр, ответил Алессандро. – Вот, возьми за труды.

Он протянул парню пару динариев.

– Покорнейше благодарю, ньюр герцог, – снова низко поклонился тот и попятился к выходу, не переставая кланяться, но Аьери уже забыл о посыльном, продолжая разглядывать кольцо. «Бриллиант семейства Фалько, ньюр герцог, самый крупный бриллиант во всей Ветерии, – снова всплыл в голове голос ювелира. – Подобного нет даже в императорской сокровищнице».

Что ж, верно. Камень, принадлежавший погибшему Пьетро Фалько, был единственным в своем роде и довольно древним. На протяжении столетий за ним тянулась кровавая цепочка убийств и загадочных смертей, впрочем, это только увеличивало его ценность. «Белое проклятие» – так прозвали бриллиант суеверные ветерийцы, но он проверил, никаких проклятий на камне не было. Всего лишь толика магии, присущая любому драгоценному камню, да несколько простых заклинаний сохранности.

Алессандро поднес кольцо ближе, рассматривая игру света в тонких фигурных гранях, и отстраненно подумал, что сделал весьма удачное приобретение. Сто семнадцать каратов, золото без примесей, сапфиры чистой воды.

Аьери захлопнул крышку и небрежно убрал футляр в карман. На душе было пусто и холодно. И почему-то снова вспомнился яркий янтарь загадочных глаз. Мадонна... Да-

лась ему эта нищенка?

Алессия Пьезе

Пронзительный плач я услышала от самого перекрестка.

Улицы Ваенезе и Ардеи петляли по всему Навере, то разбегаясь, то устремляясь навстречу друг другу, чтобы слиться в тесном объятии сразу за площадью Варезе и тут же отпрянуть, как пойманные обманутым мужем любовники. И сейчас, оказавшись в отчаянном переплетении их рук, я уловила крик Беттины и почувствовала, как гулко забилося сердце.

– Никак не унимается, ньора Алессия, ревет и ревет, уж и не знаю, чего ей надобно! – частил семенящий рядом Фабио – сын вдовы, у которой я снимала угол. – И горячая вся, аж рукам жарко.

Горячая... Святая Лючия, только бы не скарлатина и не корь! В этом проклятом мире их попросту не умеют лечить. Окуривают больных серой и какими-то травами, и если кто и выживает, то не благодаря искусству врачей, а скорее, вопреки.

Юбка путалась в ногах, мешала идти, тянула назад, к равнодушному взгляду каменных львов Абьери, но я, подхватив ветхую ткань повыше, изо всех сил побежала к низкому, вросшему в камень Ваенезе домику ньоры Арелли.

– Ах, ньора Алессия, кричит и кричит, никакого сладу с ней нет, – встретила меня на пороге хозяйка – полная, громкоголосая ньора с добродушным круглым лицом и толсты-

ми темными косами, уложенными вокруг головы горделивой короной. – Я уж и не знала, что делать, вот, Фабио за вами послала.

Она говорила что-то еще, но я ее не слышала. Рванула на себя низкую дверь, кинулась к лоскутному одеялу, прикрывающему соломенный тюфяк, и подхватила заходящуюся плачем Беттину. Даже через толстую ткань рубашки руки обожгло жаром. А внутри разлился холод – страшный, парализующий, мешающий думать и дышать.

– Тихо, маленькая, тихо.

Громкий плач прекратился, Беттина, не открывая глаз, обняла меня за шею и тихонько всхлипывала – тонко, как напуганный щенок.

Святая Лючия!

Я прижала девочку к себе и выглянула из комнаты.

– Что, ньора Алессия? Лекаря? – поняла меня ньора Арелли. – А денег-то у вас хватит? Может, лучше старуху Чилли-ту позвать? Та недорого возьмет. Нет? Ну ладно. Фабио, сынок, беги к лекарю Бранелли, да не задерживайся и по сторонам не глазей, а то знаю я тебя!

Ньора притворно нахмурилась и замахнулась на сына полотенцем.

– Чего стоишь? Бегом!

Фабио зыркнул на мать круглыми, как черные виноградины, глазами и сорвался с места, а я плотнее прижала к себе Беттину и принялась расхаживать по малюсенькой ком-

натушке, покачивая девочку и молясь, чтобы доктор пришел как можно скорее.

Минуты тянулись медленно. Маленькое тельце в моих руках казалось нестерпимо горячим, а дыхание, вырывающееся из влажных губ, было хриплым и частым.

– Тихо, Беттина, не бойся. Все будет хорошо.

Как же мне хотелось в это верить! Если я потеряю Беттину... Нет, я не могу. Не могу. Нельзя об этом даже думать. Она поправится. Обязательно поправится.

– Я рядом, малышка, я с тобой. Потерпи. Скоро тебе станет легче.

– Вот, ньор лекарь, здесь, – слышался голос ньоры Арелли, и в комнату, пригнувшись, вошел невысокий худощавый ньор в традиционной черной верте и широких шерстяных штанах.

Память услужливо подсунула схожую картинку – суетливый ньор Перделли, кровь на простынях, бледное лицо Джованны...

– Положите девочку, ньора, и отойдите, – сказал доктор, и во взгляде, которым он окинул мою одежду, я разглядела презрительное удивление.

Что ж, вид у меня и правда неважный.

Я осторожно наклонилась и попыталась уложить Беттину, но та тут же снова расплакалась и вцепилась в мои лохмотья с недетской силой.

– Тихо, родная... Тихо.

– Я сказал, положите ребенка, – недовольно процедил доктор, наблюдая, как малышка заходится плачем.

Мне с трудом удалось оторвать от себя горячие ручки и отступить на шаг назад. Плач стал громче.

Доктор открыл свой саквояж, достал трубку и маленькую ложечку, отстранил меня и склонился над Беттиной, осматривая покрасневшее от натуги лицо, потом ловко сунул в маленький рот ложку, нахмурился, вытащил ее, постоял немного, разглядывая малышку, пощупал ее живот, приложил трубку к груди, пару минут слушал и наконец распрямылся.

– Карильская лихорадка, – не глядя на меня, объявил он. – Лекарства от нее нет. Если в течение трех дней девочке не станет лучше, она умрет.

«Увы, я сделал все, что мог, – прозвучал в голове совсем другой голос. – Слишком слабый организм, она была обречена с самого начала».

Я провела ладонью по лбу, стирая горькие воспоминания, а доктор убрал в саквояж свою трубку, отправил Фабио сполоснуть ложку и повернулся ко мне.

– С вас пять динариев, ньора.

Маленькие пуговицы глаз смотрели равнодушно и отстраненно.

Я достала из кармана узелок и отсчитала монеты, но не отдала их.

– Жар... Как его сбить? – с трудом подбирая слова, спро-

сила доктора.

– Можете приготовить отвар сычьего корня и поить девочку каждые два часа, – ответил тот и отвел взгляд. – Не уверен, что поможет, но это все же лучше, чем ничего. Всего доброго, – забрав деньги, поторопился попрощаться доктор и покинул дом.

– Святые Аброзио и Винченцо, вот напасть какая! – осенила себя крестом ньора Арелли. – Бедная малышка!

Ньора принялась причитать, поминая святых покровителей Навере, а я сунула Фабио десять кьеров и отправила его к живущей неподалеку травнице. Все-таки хорошо, что тот странный ньор кинул мне динар. Можно будет купить для Беттины козьего молока.

– Тихо, маленькая, тихо, – укачивая девочку, беззвучно шептала в такт своим шагам. – Я никому не дам тебя в обиду. Ты обязательно поправишься.

Алессандро Абьери

Алессандро беспокойно ходил по просторному кабинету. На душе было пасмурно. Четвертый день площадь Варезе жила собственной жизнью, привычно шаркая сотнями ног бездельников-горожан и воркуя невыносимым любовным угаром толстых наверейских голубей, и только одной составляющей этой жизни не хватало – нищенки. Оборванка исчезла. Она не появлялась уже четыре дня, и все эти четыре дня его мучило неприятное, как прокисшее вино, чувство. И

темная магия снова набирала силу, питаемая его недовольством, а с ней и Гумер становился злее и беспощаднее, и сложнее поддавался контролю. Мадонна! До Ночи Синего Сартона еще десять дней, а ему все тяжелее держать себя в руках.

Алессандро остановился и обвел взглядом до мелочей знакомый кабинет. Массивный палисандровый стол – творение знаменитого Бротто, затканые яркими цветами шторы, глубокие кресла с обитыми бархатом подлокотниками, большой, на всю комнату, льенский ковер, сотканный руками знаменитых островных мастериц, изящная бронзовая люстра с цветными веранскими плафонами. Дорогая обстановка комнаты неожиданно показалась потускневшей, как фальшивая позолота.

Алессандро устало потер глаза и снова принялся ходить из угла в угол.

Пять портретов герцогов Абьери кисти Джованни Сарелли и его ученика Бенито Готти провожали его своими глазами, отсчитывая пройденные им пьеды. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят... Когда счет перевалил за сотню, в двери постучали.

– Ньор герцог, письмо от ньора Скорцио.

Джунио неслышно просочился в кабинет и положил на стол запечатанный конверт. В комнате повеяло мятной туалетной водой. Гумер недовольно дернул ухом.

– Посыльный спрашивает, ждаты ли ответ?

Слуга соорудил серьезную физиономию, но быстрый взгляд смешливых глаз все испортил.

– Что-то ты подозрительно весел, – прищурился Абельери. – Опять у Норины ночевал?

– Ну что вы, ньор герцог, я про Норину и думать забыл! После вашего-то внушения.

Джунио сокрушенно вздохнул и опустил голову, скрывая плутоватую улыбку.

– Смотри, если и эта понесет – жениться заставлю, так и знай!

– Ох, хозяин, пощадите! В мире слишком много прекрасных женщин, чтобы довольствоваться одной! – патетично воскликнул Джунио, и смазливое лицо украсила обаятельная улыбка.

«Знает, что хорош, сукин сын, и пользуется этим без зазрения совести», – мелькнуло в голове, но он ничего не сказал, только посмотрел на слугу, и тот мигом перестал улыбаться. В черных глазах застыла настороженность. Что ж, как бы ни был бесшабашен Джунио, хозяина он побаивался. Впрочем, как и все остальные.

Алессандро пересек кабинет, взял письмо и сломал печать.

Мелкий убористый почерк покрывал надушенный лист почти целиком, и он словно вживую услышал высокий угодливый голос. «Дражайший герцог Абельери, – назойливо звучал тот. – Я всесторонне изучил Ваш вопрос и пришел к

выводу, что Ваша магия слишком необычна и не поддается постороннему вмешательству. К тому же постигшее Вас несчастье напрямую связано с нарушением бессрочной родовой клятвы, а подобные случаи не предусматривают никаких условий отмены наказания. К сожалению, его величество король Велиас был слишком категоричен и не оставил никакой лазейки для изменения судьбы нарушителя, даже если тот нарушил клятву, действуя во благо...»

– Так что сказать, ответ писать будете или как? – отвлек его вопрос слуги.

– Да, пусть посыльный подождет, – кивнул Алессандро, возвращаясь к затейливым росчеркам магистра Скорцио.

Тот был верен себе – изъяснялся долго и пространно, хотя все сводилось к одному – помочь ему он не мог.

«Я хочу просить высочайшего разрешения поделиться Вашей проблемой с одним из моих старых друзей, магистром Эрверо, и выразить надежду, что вместе мы сумеем найти средства, которые могли бы облегчить Ваше состояние», – писал старый маг.

Алессандро дочитал до конца, свернул послание пополам и сунул в ящик стола, а потом взял перо и за пару минут набросал ответ.

– Отдай посыльному, – запечатав конверт, протянул его слуге. – И скажи Мартине, чтобы убралась в кабинете, дьявол знает что такое – все грязью заросло.

Раздражение все-таки нашло выход, прорвалось, подняло

с души осевшее было недовольство.

– Слушаюсь, ньор герцог, – легко отозвался Джунио, блестя улыбкой и мгновенно исчез, как и любой слуга, нюхом чуя плохое настроение хозяина.

Алессандро отложил перо и задумался. Джунио служит у него почти три года и за это время успел разобраться в его характере лучше, чем Марио, проведенный рядом без малого десять. Но только Марио был искренне к нему привязан, а этот вертопрах, кроме женских юбок, ничего вокруг не видит, так и норовит за какой-нибудь хорошенькой девицей приударить.

Абьери поморщился. Нашел же о чем думать.

Он подошел к окну и кинул взгляд на неспешную жизнь Варезе – просто так, по привычке, ни на что не надеясь. Синее небо Навере, кресты Аверанского собора, каменные столбы Абруццо, крытая галерея Авецци, а у одной из ее колонн... Мадонна! Вид знакомой фигуры в застиранной серой юбке заставил сердце дрогнуть и застучать в ритме форланы. Да что там? Он и сам готов был повторить несколько па народного танца, и именно это заставило его отпрянуть от фигурного переплета и тихо выругаться.

Проклятье! Далась ему эта нищенка?

Вот только что-то тянуло, ворочалось в душе, звало, и он не выдержал. Позвонил в колокольчик и бросил прибежавшему на зов слуге:

– Внизу у галереи сидит нищенка.

– Прикажете прогнать? – с готовностью вскинулся Джунио.

– Нет. Приведи ее ко мне.

– Слушаюсь, хозяин, – в похожих на маслины глазах мелькнуло любопытство.

– Чего ждешь? Бегом!

Джунио скрылся за дверью, а он тяжело опустился в дальнее кресло и положил руки на обитые бархатом подлокотники. Внутри появилось странное предвкушение.

– Вызывали, ньор герцог? – послышался от двери голос Мартины.

– Зайди, – поморщился он и повернулся к служанке. – Ты убирала сегодня у меня в кабинете?

– Да, ньор герцог. – Голос Мартины дрогнул.

– Тогда почему здесь пыльно?

– Простите, ньор герцог, – покраснела служанка, и ее большие голубые глаза наполнились слезами.

Абьери беззвучно выругался. Как же ему надоела эта глупая трусость служанки. Вечно норовит разреветься. Можно подумать, он при ней младенцев живьем ест или черные мессы устраивает.

Он посмотрел на невысокую, ладно скроенную девушку и поморщился. Сейчас ему уже казалось неважным, как выглядит кабинет и мнимую ли пыль он увидел или настоящую. Внутри бурлило странное нетерпение, помноженное на любопытство, и Алессандро сам не мог понять, откуда это все

взялось. Слишком давно он не испытывал подобных чувств. Слишком давно его жизнь стала однообразной и пресной. Возможно, он сам себя обманывает и ожидает от встречи с оборванкой того, чего не сможет получить? А что он собирается получить? Каких откровений ждет от убогой нищенки? Чем она смогла привлечь его внимание?

«Тайной, – ответил кто-то внутри его. – Тайной, заключенной в янтарных глазах».

– Я все уберу, нюр герцог, – напомнила о себе Мартина, и он отвлекся от размышлений и посмотрел на девушку. Вот уж у кого никаких тайн, все на лице написано. И настороженность, и глупая наивность, и привычка к частым слезам.

Он усмехнулся и уже собирался отправить служанку вниз, но в этот самый момент дверь открылась, пропуская нищенку и вошедшего за ней Джунио, и он тут же забыл и о Мартине, и о мнимой или настоящей пыли, да и о своих словах.

Заклинание личины заслонило истинный облик, скрыв Алессандро за спинкой кресла, а взгляд зацепился за мягко мерцающий янтарь, и та тревога, что засела в душе, наконец приобрела осязаемые черты. Чужестранка. Девушка с загадочными глазами была иноземкой, он понял это сразу, как только она вошла.

«Шпионка? Воровка? Ведьма? Кто мог ее послать? Сарелли? Джетто? Или северные герцогства?»

Въевшаяся в плоть и кровь привычка никому не верить заставляла анализировать происходящее и искать ответ. А ян-

тарный взгляд манил своими тайнами, дразнил тревожным блеском, рушил выставленные барьеры и ломал иллюзию, за которой он скрывался.

Алессандро укрепил щиты. Ничего, сейчас он все узнает. И кто она такая, и что делает под окнами его дома. Узнает, и тогда тайна перестанет быть тайной, и он сможет вновь вернуться к своему обыденному существованию.

Алессия Пьезе

Внутри дворец оказался еще больше, чем виделся снаружи. Я понимала, что герцог небеден, но даже представить не могла, насколько. Роскошь дома Абьери поражала воображение. Просторный атриум украшали яркие фрески и мраморные скульптуры. С высокого потолка свисала огромная бронзовая люстра с разноцветными магическими плафонами, справа, у стены, журчал звонкими струями фигурный фонтан. Обнаженные мраморные девушки, склонившиеся над его каменной чашей, полоскали в ней свои длинные, искусно вырезанные резцом скульптора волосы, а вода стекала по их совершенным телам, создавая иллюзию настоящей живой плоти. В центре зала торжественно спускалась на красные плиты пола белоснежная лестница.

– Ну, чего застыла? Идем, – поторопил слуга, и его взгляд прошелся по моей фигуре, безошибочно определяя под ветхими лохмотьями грудь, талию и бедра. – Ньор герцог ждать не любит, – добавил он, и в темных глазах загорелся огонек,

который, увы, был мне слишком хорошо знаком.

Я беззвучно выругалась. Еще один бабник на мою голову!

Ветерийские мужчины в большинстве своем очень любвеобильны и никогда не откажутся выразить восхищение женской красотой хлестким словечком или свистом. Но если для большинства на этом все и заканчивается, то особо настырные норовят ущипнуть понравившуюся девушку или даже зажать в темном углу, надеясь сорвать поцелуй. Правда, у меня с такими разговор короткий – коленом между ног и бежать как можно быстрее.

Я посмотрела на идущего рядом парня. Высокий, хорошо сложенный, темные волосы вьются легкой волной, лицо смазливое, смуглое, из-под густых бровей задорно сверкают похожие на крупные веренские маслины глаза.

– Как зовут милую ньюру? – ускоряя шаг, блеснул белозубой улыбкой мой провожатый.

Я промолчала. Знать бы, как долго еще идти...

– Не хочешь говорить? – проявил догадливость парень. – А вот меня Джунио звать. Джунио Скала.

Мне достался еще один заинтересованный взгляд, но уже в следующий миг слуга посерьезнел и коротко постучал в богато украшенную позолотой дверь. А потом резко подтолкнул меня вперед, отчего я запнулась о порог и влетела в комнату, едва не растянувшись на темно-красном ковре.

– Вот, нюр герцог, доставил, как и приказывали, – остановившись рядом, отчитался парень, и мне захотелось изо

всех сил наступить ему на ногу, чтобы стереть с наглой физиономии довольную улыбку. Но я сдержалась. Только голову вскинула, не желая смущаться из-за собственной неловкости.

– Свободен, – послышалось из глубокого кресла, стоящего рядом с большим письменным столом. Герцог не посчитал нужным повернуться, и меня разобрало любопытство. Интересно, как выглядит самый богатый человек Ветерии? И зачем он позвал меня в свой дом?

– Мартина, ты тоже можешь идти, – голос ньюра был низким, приятного тембра, с легкой, чувственной хрипотцой. – И в следующий раз постарайся тщательнее вытирать пыль, – добавил герцог.

Я оглянулась и заметила вжавшуюся в стену рядом с дверью девушку. Та была хорошенькой, но чересчур перепуганной и бледной. Она со страхом глядела на огромного черного дога, растянувшегося рядом с креслом, и губы ее мелко дрожали.

– Джунио, возьми письма, их нужно отправить немедленно, – прозвучал очередной приказ.

– Да, ньор герцог, – откликнулся слуга.

Он выступил вперед, забрал со стола пачку конвертов и вышел, бросив напоследок пламенный взгляд в мою сторону. И чего, спрашивается, нейметя? Служанка тоже посмотрела на меня, а потом неслышно выскользнула из комнаты и тихонько прикрыла за собой дверь. В ее больших, влажных от

недавних слез глазах застыло недоумение. Казалось, девушка не могла понять, что понадобилось герцогу от какой-то нищенки. Хотелось бы и мне узнать ответ на этот вопрос...

Я окинула кабинет внимательным взглядом. Красиво, немного мрачно, предметы обстановки дорогие и тяжеловесные, окна плотно зашторены, за исключением одного – того, что рядом с письменным столом. Свет из него падал на полированную поверхность, подчеркивая рисунок дерева, и скользил дальше, к позолоченным корешкам многочисленных книг. Я насчитала четыре шкафа, полностью заставленных дорогими фолиантами, каждый из которых стоил целое состояние. В Ветерии определить стоимость письменных изданий можно было по переплету. Мягкий бумажный говорил о небольшой цене, кожаный стоил дороже, а вот книги с позолотой могли позволить себе только настоящие богачи.

– Назови свое имя, – неожиданно нарушил молчание герцог, и его рука на подлокотнике едва заметно дрогнула.

Я прикусила губу, рассматривая темно-синее сукно рукава, сверкнувший кровавым блеском перстень, длинные пальцы с идеально отполированными ногтями. Интересно, ньюр так и будет сидеть ко мне спиной? Не хочет оскорблять свой взор видом моих обносков? Тогда зачем позвал?

– Ты слышала, что я сказал?

Герцог чуть подался вперед, и я увидела гордый профиль истинного ветерийского аристократа, длинные темные волосы, спадающие на воротник белоснежной рубашки, смуглую

щеку с сизым отливом слегка отросшей щетины, высокий лоб.

– Ты что, глухая? Или немая? – резко спросил герцог, а дог повернул голову и посмотрел на меня умными черными глазами, в которых на миг промелькнули алые сполохи. Занятный песик.

– Ну?

Ньор рывком поднялся и повернулся ко мне, а я невольно отшатнулась, пораженная его видом. Правда, тут же взяла себя в руки и постаралась не глазеть слишком явно на сгусток темного тумана, покрывающий всю правую половину смуглого лица. Черный, мерцающий, он походил на маску, в прорези которой сверкал драгоценным камнем ярко-синий глаз. Второй, неприкрытый, был гораздо светлее.

– Отвечай, – отчеканил герцог, и я очнулась. – Назови свое имя.

– Алессия Пьезе.

– Что ты делаешь в Навере?

Я видела, как шевелятся губы, точнее, та их часть, что не была скрыта призрачной повязкой, и думала, как объяснить этому настырному ньору, кто я такая, и при этом не выдать своей тайны. Если герцог не добьется ответа, он ведь может и личного мага позвать... А что, если он сам маг? В Ветерии многие аристократы обладают силой.

Я коротко поклонилась и сказала:

– Я хочу здесь жить.

– Вот, значит, как, – в низком голосе прозвучали странные нотки. Словно бы герцог пытался что-то для себя решить. – И давно ты побираешься?

Я отрицательно качнула головой.

– Значит, недавно?

Ньор смотрел пристально, и под его взглядом я чувствовала себя неуютно. И почему-то особенно жалкими показались старая юбка, застиранная рубашка и стоптанные, сбитые о камни Анирских гор туфли. Я закусилла изнутри щеку и выше вскинула голову. Мне нечего стыдиться. Да, сейчас я бедна, но это ничего не значит. Вещи вообще ничего не значат. Какая разница, что на тебе надето – дорогая бархатная верта или убогая рубаха? Главное то, что под ними. Сердце. Душа. Ум, в конце концов.

Я незаметно покосилась на Абъери. Кто бы мне сказал еще несколько лет назад, что однажды придется стоять перед каким-то стародавним герцогом и чувствовать себя так неловко из-за убогой одежды...

– Сколько тебе лет? – последовал очередной вопрос.

– Двадцать шесть.

В синих глазах промелькнуло недоумение:

– Уверена?

– Да, ньор герцог.

– Выглядишь моложе. Родители живы?

Я отрицательно качнула головой, постаравшись задушить шевельнувшуюся тоску.

– Муж? Семья? Нет?

Нет. Никого нет. Никого, кроме малышки Беттины.

Я снова отрицательно качнула головой, стараясь не показывать своих эмоций, и уставилась на висящий над столом портрет. На нем был изображен довольно красивый мужчина в черной бархатной верте. Рядом с картиной висели в ряд еще четыре, по две с каждой стороны. В спесивых гордых лицах угадывалось определенное фамильное сходство. Явно предки нынешнего герцога.

Пока я изучала семейство Абьери, ньор отвернулся и медленно подошел к окну. Высокий – гораздо выше обычных ветерийцев, широкоплечий, с узкими бедрами и длинными ногами, он выглядел настоящим красавцем. Вот только лицо... Почему он носит магическую маску?

В Навере и соседних областях чего только не болтали о внешности герцога Абьери. Некоторые говорили, что у ньора проказа, другие утверждали, что он потерял свою красоту из-за какого-то ритуала, а большинство было уверено, что герцог специально напускает побольше таинственности, чтобы запугать жителей Навере. Но зачем?

Впрочем, за год, проведенный в Ветерии, я успела понять, что тут не всегда можно найти ответы на простые, казалось бы, вопросы.

Я поправила волосы и посмотрела на дога. Тот ответил мне долгим пристальным взглядом, а потом бесшумно поднялся и подошел к хозяину. Черная шерсть пса тускло бле-

стела, поджарое тело казалось сильным и натренированным, как у хорошо обученного убийцы, острые уши стояли торчком, выдавая настороженную недоверчивость.

Герцог опустил руку на холку дога и повернулся ко мне открытой половиной лица.

– Грамотой владеешь? Нет? – понял он мой отрицательный жест, и уголок его губ дернулся, словно этот ответ не удовлетворил герцога. – Почему ты приходишь к моему дому? Разве не знаешь, что попрошайкам здесь не место?

Знаю. Еще как знаю! Вот только поделаться ничего не могу. Старуха Лючия сказала, что единственный путь домой лежит через особняк герцога Абьери, и я намерена была его найти, несмотря ни на что.

– Ну? – нетерпеливо переспросил мужчина.

Я потупилась, скрывая мысли от излишне пронизательных синих глаз.

– Нравится бездельничать? – резко спросил ньор. Казалось, его что-то разозлило. – Работать никогда не пробовала?

Внутри вскипела злость. Еще как пробовала! Все два года своей новой жизни я только и делала, что работала не покладая рук! И в траттории – разносчицей, и в домах небогатых горожан убирала, и даже на виноградники в сезон урожая нанималась. Да только вырученных денег едва хватало на съем жилья и еду.

Впрочем, побираться я не поэтому стала. Лючия велела держаться поближе к дому Абьери, а как это сделать, если

герцогу ни прислуга, ни поденщицы не нужны? Я поначалу пыталась устроиться, но меня никто и слушать не стал, даже на порог не пустили. Вот и пришлось околачиваться рядом с особняком и выжидать, пытаюсь отыскать хоть какую-то возможность проникнуть внутрь.

– Отвечай, – резко приказал герцог, и я на ломаном ветерийском попробовала объяснить, что и рада бы работать, да никто не берет.

– Так уж и никто?

Темный сапфир в туманной прорези сверкнул холодным блеском. Дог едва заметно шевельнул ушами.

– Откуда ты? – последовал очередной вопрос.

– Из Саритии.

В комнате стало тихо. Герцог молчал, я тоже молчала. С каждой минутой это молчание казалось все более тягостным, и я постаралась не думать о стоящем напротив мужчине, а переключилась на слова Лючии. «Львы Абьери – начало пути, золотые ворота – его первая лида. Камень перемен должна ты найти, с ним перейдешь через кольца Арида...» Жаль, что старуха толком ничего не объяснила. «Когда увидишь камень, сама поймешь, что это он», – только и сказала она в ответ на мои настойчивые расспросы. Лючия изрекала свои пророчества только в стихотворной форме. Нет рифмы – нет ответа, говорила старая ведьма. «Небо само решает, кому и что поведать», – пожимала костлявыми плечами Лючия и куталась в старую шаль.

– Что ж, я могу дать тебе работу, – нарушил тишину кабинета герцог. – Проверим, действительно ли ты в ней нуждаешься или просто морочишь мне голову.

Я недоверчиво посмотрела на ньюра. Он собирается дать мне работу? Святая Лючия! Странное милосердие. Интересно, можно ли считать это подсказкой судьбы? Зачем герцогу помогать обычной нищенке?

Я пристально разглядывала не скрытые маской идеальные черты, пытаюсь понять, в чем подвох, а герцог дернул шнур звонка, и вскоре в кабинете появился тот самый слуга, что привел меня в дом.

– Джунио, – посмотрел на него герцог. – Отведи эту девушку к Альде, пусть пристроит ее куда-нибудь. И переоденет, чтобы я этих лохмотьев больше не видел.

– Да, ньюр герцог.

Парень зыркнул на меня, и в его глазах я прочитала все тот же проклятый мужской интерес.

– Иди, – Аьери снова отвернулся к окну, словно разом устав от моего общества, и сложил руки за спиной четким военным жестом, от которого в памяти мгновенно всплыли воспоминания прошлого. Я словно воочию увидела отца, парадный зеленый китель, строгое волевое лицо...

– Чего застыла? Идем, – шепотом поторопил меня Джунио, и я очнулась.

Действительно, надо уходить.

Тонкий ковер скрадывал шаги, дверь тихо открылась и так

же бесшумно закрылась за моей спиной, и мы со слугой оказались в пустом, отдающем гулким эхом коридоре.

– Повезло тебе, – идя рядом со мной, разглагольствовал Джунио. – Видать, понравилась ты ньору герцогу, раз он тебя на работу взял. Хотя хозяин чужаков не любит, в доме только проверенные люди. А у тебя небось и рекомендаций из гильдии нет?

Парень прищурился, словно пытался прочесть ответ по моему лицу, и понимающе усмехнулся. Похоже, Джунио принадлежал к тем людям, которым не особо важны ответы собеседника. Такие, как он, готовы составить собственное мнение о чем и о ком угодно.

– Сразу видно, что нет, – кивнул он сам себе и добавил: – Ты, главное, с ньорой Альдой не спорь, она тут всем заправляет и хозяину обо всем докладывает, так что не вздумай ее обманывать, сразу выгонит, не посмотрит, что тебя сам ньор герцог взял.

Я молча шла вперед, стараясь запомнить расположение комнат. Так, на всякий случай. Как и большинство ветерийских особняков, дворец Абьери был построен по образцу старинных авед, в которых парадная часть дома отделялась от жилых помещений и хозяйственных построек внутренним двором с непременноми фонтанами и садом. Мы миновали несколько залов, прошли через атриум и свернули направо, к assolдо, в котором обычно располагались подсобные помещения и кухня.

– Ну вот и пришли, – жизнерадостно сообщил Джунио, толкая широкие двери, за которыми оказался длинный шумный зал. Гул голосов, аромат жарящегося мяса, стук ножей, звуки льющейся воды – жизнь кухни кипела громко, как вода в плохо закрытом чайнике.

– Мария, ньору Альду не видела? – спросил Джунио пробегающую мимо девчушку с большой медной кастрюлей в руках.

– Она во дворе, – ответила служанка и помчалась дальше, а я смотрела, как мелькает ее длинная синяя юбка, попутно отмечая все, мимо чего она пролетала. Огромный деревянный стол в центре длинного зала, большая печь с исходящими паром сковородами и чанами, плетеные корзины с овощами, связки лука, жестяные плоски с зеленью.

– Мария, долго тебя ждать? – раздался сердитый оклик.

Пышная темноволосая ньора шмякнула на стол связку битых птиц и повернулась к летящей навстречу девчушке.

– Вот, ньора Сильвия.

Мария протянула пустую кастрюлю и улыбнулась, отчего на румяных щеках заиграли ямочки.

– Идем, чего застыла? – дернул меня за руку Джунио. – Надо найти ньору Альду.

Он потянул меня за собой, и мы быстро пересекли кухню, а потом прошли под сводами низкой двери и шагнули на плиты небольшого заднего двора. Здесь, так же как и в хозяйском внутреннем дворике, росли деревья и говорливо

журчал фонтанчик, а вдоль стен шла крытая галерея, ведущая к подсобным постройкам. Невысокие колонны выстроились длинным рядом, полукруглые арки опирались каменными ладонями о деревянные перила решетчатого ограждения, прохладный мрамор гулко отсчитывал наши шаги. Мы с Джунио успели дойти до распахнутой настежь двери, за которой виднелись огромные бочки и пузатые кувшины, когда я заметила застывшую перед статуей святой Лючии высокую худощавую ньору, с ног до головы одетую в черное. Глаза ее были прикрыты, руки – сложены перед грудью в молитвенном жесте, а на строгом бледном лице сверкали слезы. Она истово молилась местной покровительнице женщин и детей.

– Ньора майресса! – окликнул ньору Джунио, и мне стало неловко.

Ясно же, что мы пришли не вовремя. Вряд ли домоправительнице понравится, что кто-то увидел ее в таком состоянии. Но Джунио, похоже, не обладал особой тонкостью души.

– Ньора Альда, я вам новую работницу привел, – жизне-радостно доложил он повернувшись к нам женщине. – Ньор герцог велел найти для нее какое-нибудь дело и выдать нормальную одежду.

– Дело? – переспросила майресса, рассматривая меня прозрачными, удивительно светлыми для ветерийки глазами.

Я буквально кожей ощущала ее холодный взгляд, в кото-

ром еще видны были следы недавних слез, и понимала, что ньора пытается решить, с какой стати герцог озаботился моим трудоустройством.

– Как зовут? – спросила наконец она.

– Алессия Пьезе.

– Что ты умеешь?

– Все, что скажете.

От волнения мой акцент усилился, и Альда это заметила.

– Так ты еще и чужеземка?

Темные брови приподнялись в безразличном недоумении.

Ох уж эта ветерийская уверенность в том, что веты – высшая раса, тогда как все остальные – просто пыль под ногами.

– Да, ньора.

– Что ж, возможно, это и к лучшему. Кто много болтает, тот мало работает, – на тонких губах майрессы появилась холодная усмешка. – Джунио, возвращайся к хозяину, а ты иди за мной, – велела ньора. – Покажу, где будешь жить, и выдам одежду. Ну что еще? – нахмурилась она, когда я попыталась объяснить, что не одна. – Ребенок?

В светлых глазах мелькнула какая-то эмоция, разобрать которую я не смогла. Ньора бросила взгляд на статую святой Лючии, да так и застыла, словно забыв и про меня, и про свой вопрос. Ветер донес из-за каменной стены женские голоса и раскатистый мужской смех, следом долетел звон церковного колокола, но потом все стихло, и только стрекот цикад разбавлял сонную тишину галереи.

– Значит, у тебя есть ребенок, – снова повторила майресса. Ее худые, с выступающими венами руки как-то странно дернулись. – Джунио, я сказала, что ты можешь идти, – резко бросила она застывшему в тени колонны слуге.

– Меня здесь уже нет, – жизнерадостно улыбнулся парень и вразвалочку двинулся к двери кухни.

Мы с ньорой Альдой остались вдвоем. День выдался жарким, но под каменными сводами стояла приятная прохлада. Цикады стрекотали все громче. Я с волнением ждала решения майрессы. Только бы она разрешила Беттине жить вместе со мной! Только бы все получилось.

– Ребенок в городе?

Я кивнула, а ньора посмотрела на меня более пристально, словно пыталась заглянуть в самую душу и прочитывать все мои тайны. Напрасный труд. Нечего было читать, да и незачем.

– Сколько ему?

– Год. Это девочка.

Я невольно улыбнулась, представив свою кроху, а по бледному лицу майрессы скользнула тень.

– Что ж, – придя к какому-то решению, сказала ньора Альда. – Придется тебе ее оставить. У нас тут не приют.

– Ньора, пожалуйста!

Я с мольбой протянула руки, невольно копируя недавний жест самой майрессы, и настойчиво повторила:

– Беттина очень мала. Она не выживет без меня!

Я вглядывалась в бескровное лицо, надеясь достучаться до сердца ньоры, но светлые глаза смотрели холодно, а губы были сжаты так плотно, что напоминали тонкую нить.

– Отдай ее в какую-нибудь семью. Герцог щедро платит своим слугам, – ответила ньора. – Если будешь хорошо трудиться, тебе хватит денег на содержание дочери. И довольно об этом. Идем.

Ньора Альда резко повернулась, и ее черные юбки взметнулись, открывая худые ноги в плотных чулках.

– Не отставай, – на ходу обронила она и пошла к двери кухни.

Мне не оставалось ничего другого, как поспешить следом.

Глава 2

Комнатушка, которую мне выделили, была маленькой и темной, но выбирать не приходилось. Альда не обманула. Она дала мне несколько динаров в счет будущего жалованья, и я договорилась с ньюрой Арелли, что та присмотрит за моей девочкой. Кто бы знал, как тяжело мне было оставлять Беттину! Я целовала ее круглые щечки, не отрываясь, смотрела в темные, похожие на крупные вишни глаза, а она, словно все понимая, плакала и цеплялась за мое новое платье своими ручками, да так, что у меня сердце останавливалось от боли. Не помню, как сумела отдать девочку ньюре Арелли, как вышла из низкого домика, как добрела до герцогского дворца. На душе было так тяжело, что хотелось громко кричать от несправедливости этого проклятого мира, в который занесла меня злая судьба, но я только сильнее стискивала зубы и упрямо переставляла ноги. Ничего. Я справлюсь. Я найду выход, и мы с Беттиной вернемся домой. Надо только внимательно наблюдать за происходящим во дворце и постараться понять, где искать камень перемен.

Тот первый день, когда я переступила порог дома Абьери, остался в моей памяти размытым серым пятном, из которого выступали лишь отдельные разрозненные фрагменты. Низкое полукруглое окно, узкая кровать, сундук у стены, длинный полутемный коридор, гулкий каменный пол, скрип две-

ри. Громкий храп за стеной.

Соседние комнаты занимали две сестры – Маддалена и Лаура, уроженки Арны, одной из северных областей Ветерии. Молодые, смешливые девушки работали на кухне и приходили поздно, почти за полночь, а вставали рано, чуть свет, когда небо в узком окошке едва заметно серело на востоке. Правда, я поднималась еще раньше. Одевалась при свете магической лампы, натягивала темное платье и фартук, заправляла волосы под белую косынку и спешила выскользнуть из комнаты, чтобы успеть до начала работы пройти по двору и понаблюдать за окнами верхних этажей. Все, что было внизу, я успела рассмотреть в те короткие мгновения, в которые бывала свободна, но в герцогские покои мне пока ходу не было. Правда, я изо всех сил старалась придумать, как туда попасть. Доступ в комнаты Абьери имели только несколько человек – горничная, личный слуга и майресса. А меня ньюра Альда определила в судомойки. Должность эта была нелегкой, учитывая количество живущих в доме работников и слуг, но платили хорошо, да и кормили щедро. Я даже смогла вспомнить, каково это – есть досыта. «Слишком уж ты худосочная, – глядя на меня, неодобрительно ворчала кухарка. – И ешь мало, как благородная. Давай добавки положу, чего зря ложкой по пустой тарелке елозишь?» И никакие мои возражения не действовали. Добрая женщина была уверена, что если как следует меня откормить, то я стану настоящей красавицей. «На личико-то ты

просто загляденье, а если в грудях и бедрах раздашься, так и вовсе цены тебе не будет». После этих слов кухонные работницы одобрительно кивали и принимались громко выражать согласие, с интересом наблюдая за тем, как я подношу ко рту очередную ложку. Правда, рано или поздно перерыв заканчивался и мы снова торопились вернуться к работе. Кто вставал к плите, кто – к огромному разделочному столу, а я с пятью другими служанками возвращалась в судомойню – узкую комнату, примыкающую к кухне. Вдоль одной из ее стен шел длинный ряд каменных раковин, в которых никогда не переводились горы грязной посуды, кастрюль и сковород. В воздухе стояла влажность и отвратительно пахло черным мылом, но работающие со мной женщины давно не обращали внимания ни на неудобства, ни на тяжелый, выматывающий труд, ни на скудное освещение.

Я наблюдала, как они смеются и перекидываются шуточками, видела потные лица, распаренные руки, ловко оттирающие жир с посуды и копать с огромных кастрюль, ловила любопытные взгляды и слушала откровенные истории чужих любовных утех, но сама не торопилась делиться с «товарками» историей своей жизни, отговариваясь незнанием языка.

Нет, за последний год я научилась отлично понимать чужую речь, вот только говорила неважно. Никак не могла избавиться от чудовищного акцента.

– Куда ты мылом елозишь, бедовая? – посмотрела на меня Козима – крупная жилистая ньора с приметливыми чер-

ными глазами. – Разве не знаешь, что медь нужно содой с лимонным соком оттирать? Вот, смотри.

Она выхватила у меня из рук большой ковш, зачерпнула из плошки нужную смесь и несколькими быстрыми движениями отчистила закопченное дно.

– Видишь?

– Да.

– Держи. Всему тебя учить надо, чарита, – переделав на простонародный манер слово чужестранка, усмехнулась Козима.

Я только улыбнулась в ответ и взялась за очередную кастрюлю, алеющую потеками томатного соуса.

– Дочка-то твоя поправилась? – спросила Бьянка, тихая пожилая женщина с худощавым телом ребенка и лицом Мадонны.

– Да. Она лучше.

Моя девочка была еще слаба, но я больше не боялась, что болезнь вернется. Доктор сказал, что те, кто победил лихорадку, никогда не болеют ею вновь.

– Мой Джунито в детстве часто болел, – поделилась Бьянка. – А теперь вон какой красавец вырос.

– Ну да, красавец, ни одной девки в округе не пропустит, – хмыкнула Козима. – И как его ньор герцог терпит?

– Ньор герцог ценит Джунито, – вспыхнула Бьянка, а до меня дошло, что слуга герцога Джунио – ее сын. – Мой мальчик никакой работы не боится.

На милом лице проступила упрямая решимость защитить своего ребенка от злых языков.

– Да ладно тебе, чего ты разошлась? Ну, чисто тигрица! Тихая-тихая, а за своего тигренка убить готова, – усмехнулась Козима и повернулась ко мне. – Значит, прошла лихо-манка? Это хорошо, не каждому удается выжить. Кормить твою девочку нужно получше, чтобы сил набралась.

– Ты давай дочке козье молоко, смешанное с отваром каристянки, любая хворь отступит, – посоветовала Кончита. – Когда мой Джованни болотную сыпь подхватил, так я только этим его и выходила. Уж сколько динаров потратила, не счесть, каждый день святой Люции молилась. Выздоровел мой мальчик – и месяца не прошло.

Она принялась в подробностях рассказывать о болезни сына, а я оттирала со дна большой сковороды пригоревший жир и наблюдала за женщинами. Крепкие, среднего роста, темноволосые и кареглазые, они были настоящими ветерийками. Просторные синие юбки не скрывали крутых бедер, серые полотняные блузки выставляли напоказ богатство груди, а черные косы прятались под белыми косынками, но только на время работы. В праздники и в выходные жительницы Навере делали затейливые прически, укладывая волосы вокруг головы высокой короной, и крепили на затылке кружевные покрывала, красиво оттеняющие смуглую оливковую кожу и яркие белки глаз. Помню, когда впервые попала в столицу герцогства, меня поразило, как достойно вы-

глядят простолюдинки. Белоснежные рубахи, разноцветные шерстяные юбки с обязательным ярким фартуком, плотные корсажи, подчеркивающие фигуру, тонкие головные покрывала. Правда, потом я поняла, что это была праздничная одежда, а в будни женщины одевались гораздо скромнее, но все равно обязательно подчеркивали свои роскошные формы.

– Козима, а ты не слышала, ньюр герцог в Адую поедет?

Вопрос Кончиты заставил меня отвлечься от размышлений и прислушаться.

– Витто говорил, ньюр герцог в этом году отложил поездку. Якобы из-за непогоды, которую придворный маг предсказал.

– Да много они понимают, эти предсказатели, – презрительно хмыкнула Кончита, но ее голос утонул в грохоте упавшей на пол сковороды.

– О, Мадонна! – выкрикнула стоящая у соседней раковины Бьянка и отскочила в сторону. – Дрина, ты нас без ног оставить хочешь?

– Дьявольская сковорода, выскользнула из рук, словно живая! – проворчала Дрина и наклонилась, поднимая упавшую посуду.

Женщины загалдели, обсуждая неловкость подруги, а я отставила в сторону чистую кастрюлю и взялась за следующую. А потом еще за одну, и так до тех пор, пока в судомойне окончательно не стемнело.

Утро оказалось таким же сырым, как и минувшая ночь. На кухне было темно, работницы вяло переговаривались, перебирая привезенные крестьянами овощи, из приоткрытой двери тянуло холодом. Кухарка Сильвия с грохотом переставляла на плите огромные чаны с похлебкой и сковороды с париттой. На длинном столе громоздились стопки грязных плошек. Казалось бы, день едва начался, а уже столько грязной посуды. И откуда она берется?

Я прихватила одну из стопок, обогнула корзины с капустой и нырнула в судомойню.

– Ты гляди, какая Сильвия сегодня щедрая, – увидев меня, хохотнула Козима. – На посуду не скупится. С самого утра раздает.

– А она всегда щедрая, – усмехнулась Кончита, отряхнув руки от мыльной пены и утирая потный лоб. – Никогда работы для нас не жалеет.

– Это да, – кивнула Дрина, а Бьянка улыбнулась тихой скромной улыбкой и молча забрала у меня плошки.

– Сполна отсыпает, – громким басом подтвердила Фина, крепко сбитая нъора, похожая на тугой кочан капусты. Она громко откашлялась и с удвоенной силой принялась драить чугунную сковороду. Женщины дружно рассмеялись и стали наперебой сыпать шутками о «доброте» майрессы, а я поко-

силась на запотевшее окно и шагнула к своему месту, но не успела до него дойти, как услышала негромкий голос:

– Алессия, приведи себя в порядок и ступай наверх, ньор герцог хочет тебя видеть.

В судомойне, за минуту до этого наполненной разговорами, смехом и звяканьем тарелок, неожиданно стало тихо. Все работницы замерли, а я оглянулась и увидела застывшую у входа ньору Альду. Майресса походила на ворону – черную, недовольную и худую. И нос у нее был точь-в-точь как у птицы.

– Ты меня слышишь? – нахмурила ньора тонкие брови, отчего между ними образовалась некрасивая глубокая складка.

– Да, ньора Альда.

Я сняла длинный грубый фартук и пригладила выбившиеся из-под косынки волосы.

– Иди, – придиричиво оглядев меня, сказала майресса и добавила, посмотрев поочередно на каждую судомойку: – А вы чего бездельничаете? Возвращайтесь к работе. Чаны сами себя не отмоют.

Женщины тут же склонились над раковинами, а я поправила складки на юбке и пошла следом за майрессой.

– Герцог сердится? – тихо спросила ньору, когда мы миновали шумную кухню и оказались в коридоре.

– С чего ты взяла?

– Он хочет меня видеть.

– А для этого обязательно сердиться? – усмехнулась майресса, и на ее лице мелькнул отблеск обычных человеческих эмоций, но она тут же снова закрылась и сухо добавила: – Ньор герцог сам тебе все скажет.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, подошли к знакомому мне кабинету, майресса коротко постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь:

– Милорд, я привела судомойку.

– Хорошо, можешь идти.

Герцог стоял у окна и смотрел на улицу, совсем как в тот раз, когда я впервые его увидела. Похоже, ему нравился вид на площадь. Дог привычно держался рядом с хозяином. Стоило мне войти, как пес внимательно оглядел меня злыми глазами, и в них снова мелькнули алые сполохи.

– Алессия, да? – повернувшись ко мне, спросил Абьери.

– Да, ньор герцог.

– И как тебе живется в моем доме, Алессия? Уже освоилась?

– Да, ньор герцог.

– А ты неразговорчива.

Я промолчала. Взгляд Абьери застыл на моем лице. Герцог смотрел пристально, не мигая, и только тьма, закрывающая половину его лица, едва заметно волновалась.

По спине пробежала дрожь. Странное дело, рядом с Абьери я испытывала одновременно и страх, и какой-то неправильный интерес, заставляющий всматриваться в черную

дымку маски, тонуть в ее зловещем тумане, тянуться ближе.

– Альда тебя хвалит, говорит, ты старательная, – негромко сказал герцог, и хрипотца в его голосе стала более явственной. Я ощущала ее почти физически – мягкие вибрации отзывались в теле давно забытой магией прикосновений и будили то, что я так старательно прятала подальше.

– Ньора Альда очень добра, – стараясь избавиться от ненужных ощущений, ответила я.

– Ее похвалу сложно заслужить, – задумчиво сказал герцог и надолго замолчал.

Я тоже молчала, разглядывая его высокую крепкую фигуру, идеально сшитую верту, золотую булавку, сверкающую в кружевах воротника, сапоги из мягкой кожи натра, крупные руки, больше похожие на руки воина, чем аристократа, и сияющие кольца. Но мой взгляд как магнитом притягивало разделенное надвое лицо. Я не могла заставить себя отвести взгляд и, не отрываясь, смотрела в непривычно яркие синие глаза. Герцог неподвижно застыл напротив и глядел тяжело, с непонятной настойчивостью. И в этом было что-то неправильное. Что-то, чего не должно было случиться, но все же случилось. И меня помимо воли затягивало в воронку чужой души все глубже и глубже. «Алессия, – словно издалека прозвучал чей-то голос. – Алессия...» Сердце билось тяжело, воздух стал раскаленным и заискрился, а я смотрела в яркую синь и почти не дышала. Магия, не иначе.

Не знаю, сколько мы так стояли, объединенные нитями

взглядов, но в какой-то момент Абьери разорвал их, отвернулся и подошел к окну, уставившись на площадь Варезе. Трудно сказать, что он там видел, но спина его выглядела напряженной.

– Почему ты выбрала мой дом? – разрезал тишину комнаты неожиданный вопрос.

Я вздрогнула, очнувшись от непонятого наваждения:

– Простите, ньор герцог?

– Ты могла выбрать любую другую площадь города, но появилась именно здесь, у моего дворца. Что заставило тебя прийти?

Герцог так и не повернулся, продолжая наблюдать за жизнью Варезе, а я лихорадочно придумывала ответ. Как назло, в голове не было ни одной подходящей мысли. За минувшую неделю я уже успела успокоиться и перестала опасаться подобных вопросов. Видимо, зря.

– Молчишь? – хрипотца в низком голосе приобрела угрожающий оттенок.

Дог поднялся с места и настороженно замер.

– Я не знаю, ньор герцог. Я пока не изучила город. Тут много улиц и много людей.

– Значит, просто случайность, – тихо, почти про себя, сказал Абьери и уже громче добавил: – Вот только я не верю в случайности. У судьбы не бывает ненужных героев. Каждый играет свою роль, даже самая маленькая пешка.

Он повернулся и окинул меня внимательным взглядом,

проходясь по ногам, бедрам, талии, груди и останавливаясь на лице. А я почувствовала, как тяжело стало дышать, и едва устояла, придавленная этим настойчивым сканирующим взглядом. И зачем так смотреть? Зачем пытаться проникнуть в душу?

– Что ж, хорошо, – непонятно чему усмехнулся Абельери и тут же посерьезнел. Тьма колыхнулась, полностью закрыв его лицо, а спустя секунду схлынула, оставшись небольшим сгустком на правой половине. – С сегодняшнего дня ты убираешь мои личные покои. Будешь стараться, прибавлю жалованье. Альда сказала, у тебя есть дочь?

Я молча качнула головой, раздумывая, с какой стати герцог проявляет ко мне такой интерес. Или он расспрашивает майрессу обо всех своих работниках и слугах? Что-то не верится. Может, он меня в чем-то подозревает?

– Что ж, иди. Альда расскажет, что нужно делать, – велел герцог, а я не могла сдвинуться с места, пригвожденная его взглядом и горящим в нем синим огнем. – Ну? Чего стоишь? Иди, – повторил Абельери и повелительно махнул рукой.

Я отмерла и направилась к двери, и только у самого выхода вспомнила, что нужно поклониться, и обернулась. Герцог по-прежнему стоял у окна и разглядывал площадь Варезе. Дог застыл рядом с хозяином, и над его головой мерцала темная дымка. Миг – и она исчезла, заставив усомниться в том, что я ее видела.

– Не задерживайся, – снова повторил герцог, но так и не

обернулся.

– Хорошо, ньор, – сказала я обтянутой темным бархатом спине и тихо выскользнула из комнаты.

* * *

Так началась новая веха в моей жизни. Теперь каждое утро я спешила на второй этаж, чтобы тихо проскользнуть в спальню герцога, раздвинуть тяжелые шторы, дождаться, пока Аьери спустится в столовую, и обратиться в его покоях. Работа оказалась неожиданно сложной и имела много подводных камней, точнее, бесчисленных запретов. «Нельзя без дела попадаться герцогу на глаза, – перечисляла ньора Альда, загибая сухие пальцы, – нельзя оставаться в кабинете одной без личного слуги ньора герцога, нельзя шуметь, нельзя показывать эмоции и слезы, нельзя самой заговаривать с хозяином и ни в коем случае нельзя трогать изумрудную шкатулку, стоящую в кабинете ньора». Не знаю, что такого особенного было в этой небольшой коробочке, но строгий запрет наводил на определенные мысли. Вдруг именно в ней хранится камень перемен? Всякий раз, проводя пушистой перьевой метелкой по гладкой зеленой поверхности, я пыталась понять, как ее открыть, но Джунио, стоящий у двери, зорко следил за каждым моим шагом, и мне оставалось делать вид, что меня не интересует ни шкатулка, ни ее содержимое, и ждать подходящего момента. Вот только он все ни-

как не наступал.

– Слышишь, Алессия, а у тебя амири есть? – глядя, как я сметаю пыль с бронзовой люстры, спросил Джунио. Он поигрывал длинными кистями яркого пояса и сверкал белозубой улыбкой.

Амири в Ветерии называли «сердечного друга», или, попросту, любовника, и у большинства местных ньюр его наличие не считалось чем-то зазорным. «Вот смотри, чарита, – объясняла мне Козима. – Муж – это для порядка, чтобы глава в доме был, чтобы имя женщине дал и детей ее под свое крыло взял. А амири – он для души, да и для тела, чего уж там, – с усмешкой добавляла она и многозначительно подмигивала. – Чтобы ночи сладкие были, чтоб суть женская в жаркой истоме пела и сердце от любви плавилось».

Судомойки любили делиться рассказами о своих амири, а я слушала их и думала о том, что в своей нынешней жизни с трудом могу представить мужчину, из-за которого будет плавиться сердце. Какая уж тут истома! После того, что было. Помимо воли вспоминалось красивое мужское лицо, блестящие карие глаза, свисающий на лоб непокорный темный вихор, толстая серебряная цепь на мускулистой шее. Сергей Горчаков. Моя первая и единственная любовь. Моя непрекращающаяся боль и непоправимая ошибка. Как я могла быть такой слепой?..

– А то, смотри, я б не прочь, – не унимался Джунио. – Где ты еще такого горячего амири найдешь?

Я взглянула на хвастливого красавчика и усмехнулась. Вот уж у кого самомнения – с огромную гору.

– Приходи сегодня ночью во двор, – не отставал слуга. – Я тебе одну звезду покажу, ее могут увидеть только любовники.

Ты смотри, какой скорый! Не успел на первое свидание позвать, а уже уверен, чем оно закончится. Привык к быстрым победам и думает, что любая готова упасть в его объятия. Вот только мне это не нужно. Мне вообще никто не нужен. Точнее, нам с Беттиной. Мы и сами проживем, безо всяких там мужчин.

Джунио уставился на меня горячим взглядом, а я отрицательно покачала головой и перешла к комоду. На нем стояли два тяжелых канделябра с магическими свечами, а между ними – та самая изумрудная шкатулка. Небольшая, плоская, с красивым золотым вензелем на крышке. Я медленно провела перьевой метелкой по таинственно мерцающему камню и попыталась рассмотреть маленький замочек. Крошечное отверстие для ключа, хитрая петелька, едва заметное углубление – так просто не откроешь, придется повозиться. Как сказал бы дядя Миша, надо хорошенько подумать. Бабушкин сосед был мастером на все руки, и в детстве я целыми днями пропадала в его гараже, наблюдая за тем, как из груды антикварного металлолома рождается настоящий «понтиак». И по мере сил помогала процессу, подавая ключи и отвертки и с радостью натирая блестящие накладки на ка-

поте. Мне нравилось возиться с инструментами. Нравилось быть нужной. Наверное, дядя Миша чувствовал мою неприкаянность, потому и учил премудростям механики. «Это надо обмозговать», – любил повторять он в особо сложных случаях. Вот и мне нужно было обмозговать, как добраться до шкатулки. Может, попробовать спровадить Джунио из комнаты? Придумать какой-нибудь благовидный предлог...

– Странная ты, Алессия, – не унимался слуга, и я мысленно пожелала ему провалиться. – Вроде рыжие обычно горячие, а ты как ледышка с рыбьей кровью.

– Тебе какая разница? – пожала плечами в ответ. Мне не хотелось отвлекаться от главной цели и поддаваться на подначки слуги. – Не мешай мне работать.

– Работать, работать, – передразнил Джунио. – Так и будешь всю жизнь работать. Что ж, если счастья своего не понимаешь, тут уж ничего не поделаешь.

Он усмехнулся и принялся насвистывать народную песню, которую любили петь в трактирах захмелевшие простолюдины. «Маленькая бабочка, лети, лети к розе моего сердца», – слышались мне за тихой мелодией романтические слова. Слуга сунул руки в карманы, небрежно оперся о стену, не переставая за мной наблюдать, и виртуозно свистел, а я с сожалением покосилась на шкатулку и перешла к письменному столу. Ничего. Однажды у меня появится шанс разобраться с ее содержимым. Не успела так подумать, как в коридоре послышались шаги, дверь резко открылась и на по-

роге кабинета появилась Альда.

– Джунио, ньор герцог велел тебе отнести письмо ньору Скапарелли и отдать лично в руки, – сказала она слуге, протягивая запечатанный воском свиток.

– Я-то пойду, – оторвался от стены красавчик. – А как же распоряжение присматривать за новенькой?

– Думаю, Алессия достаточно благоразумна, чтобы не совершать глупостей, не так ли? – со значением посмотрела на меня майресса, и я, понуждаемая ее взглядом, согласно кивнула. – Иди, хватит бездельничать, – повернувшись к Джунио, строго сказала Альда. – Знаю я тебя, готов весь день рядом с хорошенькой девушкой ошиваться. Смотри, скажу ньору герцогу, что ты к служанкам пристаешь, отправит он тебя в Адуо. Будешь там свои непристойные песни коровам петь.

– Наговариваете, ньора Альда, – состроил обиженную физиономию Джунио, но тут же ослепительно улыбнулся майрессе и добавил: – Я только вас одну люблю и боготворю, зачем мне другие?

– Поговори еще, – поджала губы Альда и махнула рукой. – Иди, не тяни время. А ты, Алессия, побыстрее заканчивай с уборкой. Ньор герцог скоро позавтракает и поднимется в кабинет. Нельзя, чтобы он тебя тут увидел.

– Я почти закончила.

– Что ж, хорошо, – кивнула майресса и посмотрела на Джунио. – Ты еще здесь?

– Нет, ньора, я уже на полпути к дому ньора Скапарелли.

Слуга послал майрессе еще одну улыбку, вскинул свою бедовую голову и неслышно выскользнул за дверь. Альда, строго посмотрев на меня, вышла следом, и я наконец-то осталась одна. Что ж, такой шанс нельзя было упускать.

В одну секунду я метнулась к шкатулке, вытащила из волос тонкую шпильку, вставила ее в отверстие и попыталась повернуть, но замок оказался с секретом и не пожелал открываться. Еще одна попытка – и снова неудача.

– Ну же, давай, – тихо шептала я, стараясь разобраться с хитрым механизмом. Главное было сосредоточиться и почувствовать нужный момент. Секунда, другая. Пальцы фиксируют подходящее колебание, шпилька проворачивается в руках, и я слышу характерный щелчок, крышка приподнимается... И в тот же момент в коридоре раздаются уверенные шаги. Святая Лючия! Герцог вернулся.

Я едва успела захлопнуть шкатулку, схватить отложенную в сторону метелку и сделать вид, что сметаю пыль с чистого канделябра, как дверь распахнулась и в кабинет в сопровождении своего пса вошел Аьери. По спине пробежал холодок. Что, если герцог поймет, чем я тут занималась?

– Ты еще здесь? – в низком голосе прозвучало едва заметное недовольство.

– Простите, ньор герцог. Я уже ухожу.

Я поклонилась и сделала шаг к двери, но Аьери неожиданно заступил мне дорогу и коснулся пальцами моего под-

бородка, заставляя поднять голову.

– Ты боишься меня? – с непонятной настойчивостью глядя в глаза, спросил он.

– А должна? – сорвалось с моих губ, и пальцы Абьери сжались сильнее, а его взгляд стал острым, как стилет.

Знать бы еще, какой ответ он пытался отыскать в моих глазах. Тьма призрачной маски так близко... От нее веет холодом и странной, почти осязаемой магией. Она притягивает своей тайной, манит, мне даже кажется, что я слышу странный многоголосый шепот. «Алессия... Алессия...» – на разные голоса звучит у меня в ушах. Комната отдаляется, вокруг становится темно, и только Абьери и его дог остаются на месте. А голоса не умолкают, они шелестят вокруг невесомыми крыльями черных бабочек, кружат, проникают в сознание...

– Тебе плохо? – перебивает непонятную какофонию резкий вопрос герцога, и шум тут же исчезает, а кабинет приобретает свои обычные пропорции.

– Нет. Все в порядке.

Я очнулась от непонятного ступора и чуть повернула голову, вынуждая герцога меня отпустить.

– Я могу идти?

– Иди, – кивнул ньор, давая мне пройти.

Я торопливо шагнула к выходу и, только оказавшись за дверью, перевела дух. Все-таки ужасно странный человек этот Абьери. У меня от него каждый раз мурашки по коже.

И главное, не поймешь, что у него на уме и почему он проявляет ко мне столько внимания.

Алессандро Абьери

Он дождался характерного щелчка закрывшейся двери и внимательно осмотрел кабинет. Ровные ряды книг, выстроенные в линейку приборы, сверкающая люстра. Все выглядело идеально. Именно так, как должно. Нет, он и хотел бы придрататься, но Альда не зря хвалила нищенку. Та действительно оказалась хорошей работницей.

Абьери прошел к комоду и провел пальцами по его поверхности. Чисто. И шкатулка с абероном снова сияет живым зеленым светом. И канделябры стоят ровно, на равном расстоянии от края, чего никогда не получалось у Мартины.

Алессандро снова оглядел кабинет, пытаясь найти огрехи, но не преуспел в этом и усмехнулся. Повезло девчонке. Хотя, если уж быть до конца честным, его радовало усердие новой служанки. Когда он брал ее на место Мартины, то на многое не рассчитывал – все равно ни одна из работниц не могла ему угодить. А тут... Странное дело, но с появлением Алессии в его покоях наконец-то исчезла пыль и даже старинная мебель как будто «помолодела». И дышать стало легче. А уж когда новая служанка тихо входила в спальню по утрам и бесшумно раздвигала шторы, от одного вида ее красивого, лишённого признаков страха лица у него неизменно поднималось настроение и наступающий день казался не та-

ким темным, как обычно.

Гумер одобрительно рыкнул, не спеша прошел к окну и растянулся на идеально чистом ковре. Алессандро посмотрел в горящие алым глаза и задумался. Похоже, псу пришлись по нраву благие перемены. Вот уж от кого не ожидал. Ту же Мартину Гумер терпеть не мог, как и Салину, что была до нее. И это не говоря о личном слуге, которого Гумер ненавидел так искренне, что Абьери с трудом удавалось сдерживать желание пса вцепиться Джунио в горло. Каждый раз приходилось осаживать адского дога, а беспечный Джунио даже не догадывался о намерениях хозяйской «собачки». И только с Алессией все было иначе. Гумер наблюдал за ней так же пристально, как и сам Абьери, но агрессии не проявлял. Правда, Алессандро не радовало подобное благодушие. Оно лишь подчеркивало необычность девушки, и это выводило из себя. Что с ней не так? Почему он до сих пор не смог разгадать ее тайны? И действительно ли она его не боится или только умело маскирует эмоции?

«Слишком мало времени прошло, – бесстрастно произнес внутренний голос. – Возьми девчонку туда, где она не сможет от тебя спрятаться. Проверь ее. Вытащи то, что она скрывает».

Алессандро провел рукой по лбу. До Ночи Синего Сартона остается всего несколько дней. Может, рискнуть?

Где-то в глубине души мелькнуло опасение, но нетерпение и странный, все усиливающийся интерес к нищенке за-

ставили Абьери согласиться с внутренней сущностью. Да, он так и сделает. И уж тогда-то ему никто не помешает.

Алессия Пьезе

В коридоре было тихо. Здесь, на хозяйском этаже, всегда царила тишина – ни голосов слуг, ни топота шагов, ни звуков, долетающих с площади. Магия пространства создавала иллюзию полной обособленности от всего остального мира.

Я шла по пустынному переходу, рассматривала яркие фрески и прислушивалась к себе, в который раз пытаюсь понять, что значили слова Лючии. «Камень найди – блестящий и светлый, он проведет через времени петли», – звучало в голове бормотание старухи. Знать бы еще, как выглядит означенный камушек и где его искать. Что, если это какая-то драгоценность? Те перстни, что сверкают у герцога на пальцах, я отмела сразу, они не вызывали у меня никаких эмоций. Но ведь наверняка в доме есть и другие украшения? А может, камень находится в домашней капелле? Или это один из тех камней, из которых сложен дворец? Да он вообще может оказаться чем угодно! «Как только встреча произойдет, камень душу позовет», – вспомнились слова Лючии. Ветто, ученик старой ведьмы, сказал тогда, что, когда камень перемен окажется поблизости, я его почувствую. «Потянет тебя к нему», – пояснил Ветто.

Я бросила взгляд в окно, на сверкающий в солнечных лучах купол, и задумалась. Рядом со шкатулкой я не чувство-

вала ничего, кроме обычного любопытства. Значит ли это, что нужного мне камня там нет? В спальне герцога меня тоже ничего не заинтересовало. А вот капелла... Что, если он там? Ведь недаром же меня туда с первого дня тянет? Нужно проверить.

– Алессия, ты уже закончила?

Вопрос майрессы заставил меня вздрогнуть. И откуда она только взялась? Всего секунду назад ее не было, а уже в следующую – пожалуйста. Стоит прямо передо мной.

– Да, ньора Альда.

Я постаралась, чтобы голос звучал спокойно. Ох, как же это трудно, когда внутри все дрожит от нетерпения.

– Ньор герцог не застал тебя в своем кабинете?

В глазах Альды мне почудилась напряженная настороженность.

– Застал. Но я уже уходила.

– И он не... Впрочем, неважно, – перебила саму себя майресса и нахмурилась. – Ступай вниз, забери белье.

– Ньора Альда, можно спросить?

Я решила рискнуть и воспользоваться шансом попасть в капеллу. Я не раз видела, как ньора молится святой Лючии, значит, должна меня понять.

– Что тебе?

– Я хотела помолиться за свою девочку, она только оправилась от болезни и еще очень слаба. Где это сделать? В капелле?

Я напряженно ждала ответа, но Альда с ним не торопилась. Она поджала губы и молча смотрела на одну из дверей с таким видом, словно за темным дубовым полотном скрывалась какая-то неприятная тайна.

– Что ж, можешь сходить прямо сейчас, – после долгой паузы сказала ньора. – Там открыто.

В глазах майрессы мелькнула едва заметная печаль.

– Спасибо, ньора Альда.

– Только долго не задерживайся, – голос ньоры зазвучал строже. – Тебе еще нужно забрать у Мартины рубашки ньора герцога.

Она снова бросила взгляд на дверь, за которой скрывалась библиотека, развернулась и медленно пошла прочь. Прямая, худощавая, похожая на острый несгибаемый клинок. Мне порой казалось, что в жизни майрессы было немало горя и трудностей, через которые ей пришлось пройти. Светилось что-то в прозрачных глазах, что наводило на подобные мысли. Да и то, как истово она молилась перед статуей святой Лючии в мой первый день во дворце, подтверждало эти выводы. Вот только вряд ли Альда захочет поделиться своей бедой. Она не из тех, кто рассказывает о проблемах. Что ж, я ее понимала. Я ведь и сама не любила откровенничать. Все равно помощи ни от кого не дождешься и надеяться можно только на себя.

Я тряхнула головой, прогоняя тяжелые воспоминания, и пошла к лестнице. Ступени одна за другой промелькнули

под ногами, синий подол быстро пересчитал их и, пойманный случайным ветерком, водоворотом забурлил вокруг ног, но я не остановилась. Выбежала во внутренний двор и припустила к капелле. Невысокое приземистое строение пряталось в густой зелени олеандров. Яркие соцветия бугенвиллий оплетали колонны живыми ароматными венками, почти полностью скрывая белый мрамор. Бронзовые накладки дверей потемнели от времени. И только позолоченный круглый купол, не скрываясь, победно блестел на фоне яркого неба Навере.

– А что это ты тут делаешь?

Смутно знакомый голос заставил обернуться, и я беззвучно выругалась. Только его не хватало! Из проема в стене вышел тот самый стражник, что пытался прогнать меня от дворца.

– Я за тобой давно слежу, ты тут все по двору шныряешь, выглядываешь что-то, вынюхиваешь. Ужо доложу ньору герцогу, может, ты шпионка какая, пусть разберется.

Неприятная рожа скривилась в подозрительной гримасе, глазки-буравчики впились в лицо, и мне захотелось смахнуть их взгляд, как надоедливое липкое насекомое.

– Слышал, ты работу получила? Как же это ньор герцог тебя взял? Небось подол перед ним задрала? – Стражник сделал неприличный жест и громко заржал.

Святая Лючия! Да что ж ему неймется?

– Вот только не думай, что всех вокруг пальца обвела. Го-

вори, чего ты тут вынюхиваешь? – Мужлан нахмурился и оттопырил нижнюю губу. Жирные короткие пальцы уцепились за цветастый пояс, и толстый живот ощутимо колыхнулся.

– Я ничего не вынюхиваю. Я иду в часовню. Хочу помолиться. – Я старалась говорить спокойно, надеясь разойтись со стражником миром.

– Помолиться? – мерзко ухмыльнулся мужлан, и в его глазах вспыхнул похотливый огонек. – Знаем мы эти молитвы.

Он снова сделал неприличный жест, подмигнул и, растопырив руки, двинулся вперед.

– Я и сам помолиться не прочь, – сипло бормотал стражник, пытаясь притиснуть меня к стене. – Особенно святым покровителям Ветерии. Ну же, чего ты дергаешься? Если перед ньором герцогом ноги раздвинула, так и его верными слугами не побрезгуешь.

Жирное лицо приблизилось почти вплотную. Запах чеснока ударил в нос. Мерзкие ухмыляющиеся губы потянулись к моим. Ближе, еще ближе...

Перед глазами вспыхнули горячие белые круги.

– Еще раз распустишь руки, и я тебя убью, – слетел с моих губ тихий шепот.

Я чуть повернула приставленный к жирному боку стражника стилет и надавила. Внутри поднималась ярость. Никто, никто не посмеет ко мне прикоснуться против моей воли. Никогда.

– Понятно?

Мужик громко сглотнул.

– Я спрашиваю: понятно?

Острое лезвие пропороло яркую ткань верты.

Стражник молча кивнул и отступил на шаг назад. А потом развернулся и, так и не сказав ни слова, исчез в проеме.

Я опустила руку с оружием и выдохнула. Принесла же нелегкая...

Спрятав стилет, утерла вспотевший лоб, потянула на себя дверь капеллы и очутилась в прохладе полутемного помещения. Пахло воском, деревом, ароматной смолой. На небольшом возвышении стоял мраморный престол, узкие стрельчатые окна переливались разноцветными витражами, в нишах рядом с алтарем застыли статуи мучеников Аброзио и Винченцо, святых покровителей Навере.

Я обвела глазами почти пустое помещение. Думать о произошедшем не хотелось. В этом проклятом мире подобное поведение мужчин никого не удивляет. Еще бы! Женщина слаба и бесправна, ни один суд не встанет на ее сторону, с легкостью поверив, что она сама соблазнила несчастного мужчину. Вот и приходится защищать себя самостоятельно.

Я через ткань погладила тонкую рукоять стилета. Верный друг! Сколько раз он меня выручал... Холод металла подействовал успокаивающе. Что ж, пора подумать о том, для чего я сюда пришла.

Взгляд пробежался по овальному помещению капеллы.

Где может быть спрятан камень? Под престолом? Нет, там

только мрамор. В статуях? Я подошла к одной из них, провела ладонью по вырезанным каменным складкам и коснулась гладкого основания. Оно выглядело монолитным, никаких посторонних включений в нем не было. Взгляд остановился на лице святого. Аброзио смотрел на меня строго, как судья. Его невидящие глаза заглядывали прямо в душу, вытаскивая из нее то, что я так хотела забыть: темные своды пещеры, грохот обвала, тусклые блики на стене, собственное отчаяние, сбитые в кровь ноги... Все это показалось таким явственным, что я снова ощутила промозглый холод подземного хода, услышала звуки капель, стекающих по сосулькам-сталактитам, почувствовала страх и дикое, животное желание жить. Оно поднималось изнутри – сильно, властно, захлестывало волной, заставляло бороться, вынуждало ползти, когда не оставалось сил идти, и оно же бросило меня тогда вперед, к едва заметному пролому в стене, к человеческим голосам и колеблющемуся свету.

По спине пробежали мурашки. Как же давно я не вспоминала свое прошлое... Взгляд святого выуживал из души все мои страхи и надежды, всю боль и обиду, заставляя заново пережить то, что было два года назад, и я задыхалась, опять испытывая ужас предательства и страшного, почти потустороннего одиночества.

– Алессия?

В первый момент я не узнала этот голос. Он заставил меня вздрогнуть, отскочить в сторону и выставить перед собой

руки. Правда, уже в следующую секунду я разглядела, кто стоит передо мной, и опустила ладони.

– Я тебя напугал?

Синие глаза горели мрачным огнем. Магическая темная дымка колыхалась, скрывая лицо почти целиком. Высокая, облаченная в черный бархат фигура казалась массивной и в полутьме капеллы выглядела довольно устрашающе, но я с облегчением выдохнула и отрицательно качнула головой. Дог, повсюду сопровождающий хозяина, выступил вперед и уперся в меня странным, почти человеческим взглядом.

– Уверена? – Абьери смотрел требовательно и властно.

– Нет, ньор герцог, – ответила я и осознала, что даже рада появлению Абьери. Его приход заставил меня очнуться от кошмара прошлого и вернуть в настоящее.

Я невольно шагнула вперед и обхватила себя руками, торопясь укрыться от промозглого холода. Страх снова остаться одной оказался сильнее моей настороженной недоверчивости, и мне захотелось дотронуться до герцога, чтобы избавиться от неприятного чувства пустоты, заполнившего душу до самых краев. Правда, я сдержала этот глупый порыв и осталась на месте. Не хватало еще снова довериться мужчине...

Абьери тоже не двигался. Он замер, продолжая буравить меня взглядом, и тьма призрачной маски то сгущалась, переливаясь всеми оттенками ночи, то светлела, напоминая мерцающую серебристую ртуть. Выглядело это страшно и заво-

раживающе одновременно.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем тишину капеллы нарушил негромкий вопрос:

– О ком ты молилась?

Абьери чуть наклонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, а я в первый момент даже не поняла, что он имеет в виду. И только потом сообразила, что герцог решил, будто я молилась святому Аброзио.

– О дочери. Просила милости.

Тьма стала гуще, налилась чернильной синевой, заволновалась. Герцог молчал, но в его глазах отражалась непонятная борьба.

– Я собираюсь поехать в одно из своих загородных имений, – неожиданно перевел разговор Абьери и резко добавил: – Ты поедешь со мной.

– Ньор герцог?

Я удивленно смотрела в разделенное пополам лицо. Призрачная маска едва заметно шевелилась, заставляя гадать, что же скрывается за ней. Сапфировая синева глаз казалась темной, почти черной.

– Там нет прислуги, только старый смотритель и его жена, – пояснил Абьери, и его глаза холодно блеснули. – Будешь им помогать.

Час от часу не легче! Интересно, почему герцог не может оставить меня в покое? Откуда это постоянное наблюдение и попытки найти мне применение? Чего он добивается?

Я напряженно раздумывала. Если уеду из дворца, то мои поиски остановятся. А Беттина тем временем так и будет жить у чужих людей. И неизвестно, как надолго это все затянется. Вот если бы герцог уехал без меня, то я сумела бы спокойно обыскать и его кабинет, и спальню, и те места в доме, где мог находиться портал.

Я посмотрела на Абьери, пытаюсь придумать, как отказаться от сомнительной чести сопровождать его в поездке, но, как назло, в голову не приходило ни одной умной мысли. Сослаться на то, что плохо себя чувствую? А кому нужны больные слуги? Попробовать надавить на жалость? Но чем я могу разжалобить этого властного мужчину?

– Ты меня поняла? – спросил Абьери.

– Да, ньор герцог. Только... Я не могу. Ребенок. Мне надо ее навещать.

Я постаралась вложить в голос всю тоску по своей девочке. Всю надежду и мольбу.

Герцог сложил руки за спиной. По правой половине его лица прошла тень.

– Она у надежных людей?

– Да, но она скучает по мне, если я долго не прихожу. И она недавно болела, мне нужно бывать с ней, пока не поправится. Пожалуйста, ньор...

Абьери поднял руку, вынуждая меня замолчать, и смерил внимательным взглядом. Он был таким ощутимым, что мне показалось, будто я чувствую невесомые прикоснове-

ния. Совсем как тогда, ночью, когда в моей комнате появился странный ночной гость. Неужели это был герцог?

– Ты едешь со мной, и это не обсуждается, – резко сказал Аьери, и я невольно отступила на шаг назад.

– Но...

– Ты меня поняла? – повысил голос герцог, и мне пришлось кивнуть.

Внутри бурлили эмоции, но я понимала, что возражать нельзя. Нужно смириться, иначе ведь можно и на улице оказаться.

Я уже спокойнее посмотрела на Аьери. Интересно, что подразумевает его предложение? Слуги чего только не болтали о владельце Навере, и за семь дней, проведенных во дворце, я успела узнать многое, кроме, пожалуй, одного – есть ли у герцога любовницы. То ли он тщательно скрывал свои связи – хотя разве можно что-то скрыть от вездесущих слуг? – то ли их и вовсе не было, но ньюра Аьери никто и никогда не видел с женщиной. Я даже предположила, что ему нравятся мужчины, правда, Козима тут же оборвала меня, назвав глупой чаритой. «В роду Аьери никогда мужеложников не было. Не та порода», – заявила она.

Что ж, оставалось поверить ей на слово. И все-таки что-то же его во мне заинтересовало? Почему он дал мне работу и отчего выделяет среди остальных слуг? Даже Мартину с должности своей личной служанки сместил, поставив меня на ее место. Что это? Прихоть? Или у герцога есть на меня

планы?

Въевшаяся в плоть и кровь привычка никому не верить заставляла искать подвох во всем, что происходило вокруг.

– Навести дочь и оставь деньги, – отрывисто бросил герцог. Он полез в карман и протянул мне несколько динаров. – Выезжаем через три часа. Иди.

Он снова отвернулся к окну, как бы показывая, что разговор окончен и обсуждать больше нечего. А я задержалась взглядом на высокой фигуре в черном бархатном камзоле и молча пошла к выходу, гадая, чего ждать от этой поездки и можно ли считать ее еще одним узелком судьбы.

Глава 3

Дорога, выложенная серым камнем, бежала между полями, вскоре их сменили виноградники, повозка переваливалась на ухабах, а я смотрела на карету, что маячила прямо перед глазами, и все пыталась понять, для чего герцогу понадобилось брать меня с собой. В доме достаточно служанок, есть и расторопнее, и красивее, и надежнее. Зачем ему именно я? На душе было беспокойно. Не верила я в чужую доброту. События двухлетней давности навсегда отучили меня кому-либо доверять, и теперь я никак не могла расслабиться, все ждала подвоха. Ужасное состояние. Лучше уж занять голову чем-то другим. Взгляд упал на золотой герб, покачивающийся перед глазами. Два меча, скрещенные над коронной, – символ процветающего семейства Абьери, одного из самых могущественных и богатых в Ветерии. Если верить слухам, большую часть этого богатства принесла работоторговля. Правда, сто лет назад рабство в Верейской империи отменили и семье Абьери пришлось искать другие источники дохода. Ветто говорил, что в каменоломнях Аруцци, принадлежащих герцогу, добывают драгоценные магические кристаллы. А стоят они немало. Да и производство веранского стекла приносит в казну герцогства достаточно золотых динаров.

Никколо, флегматично управляющий парой лошадей, тянувших нашу колымагу, громко чихнул, заставив меня от-

влечься.

– Далеко еще? – устав от однообразия прекрасных пейзажей, спросила я у него.

– Видишь пригорок? Вот как за него завернем, там перекресток будет, а дальше через лес проедем – и мы на месте, – ответил кучер и снова уставился на задок кареты.

– А как называется имение ньюра герцога?

– Ишь ты, хоть и чужачка, а любопытная какая! – хмыкнул Никколо. – Вилла «Томалли», одно из самых уединенных владений хозяина. Остальные все больше по городам, а тут, в Адуе, кроме птиц и зверья, никого больше нет.

– А люди?

– Да какие люди, говорю ж, никого. Только Винченцо с женой за имением приглядывают, а ближайшая деревня в нескольких стадиях от дома. Ньюр герцог раньше любил в «Томалли» бывать, охота в этих местах уж больно хорошая, да только в последние годы что-то подостыл хозяин к фазанам и оленям, давненько людей не собирал.

– А его лицо... Он всегда ходит в маске?

Я задавала этот вопрос многим слугам, но все они только мялись и ничего не могли ответить. Как будто на них проклятие немоты наложили.

– Что говоришь? Устала? – спросил Никколо, то ли не услышав моего вопроса, то ли не желая на него отвечать. – Ничего, уже недолго осталось.

Странно, что слуги не говорят о внешности хозяина. Мо-

жет, привыкли? Или боятся?

Кучер дернул вожжи и снова замолчал, а я смотрела на его толстый, обтянутый зелеными штанами зад и раздумывала над сказанным. Выходит, раньше герцог в «Томалли» на охоту ездил. Но ведь для охоты нужны помощники, всякие там доезжачие, егери и прочие. А Абьери взял с собой только меня и двух кучеров – Никколо и Витто. И что мы будем там делать? Вернее, что будет делать герцог?

– Слышь, Алессия, а ты сама откуда? – повернулся ко мне Никколо. Его круглое лицо лоснилось от пота, длинные волосы слиплись сосульками, а маленькие глазки светились любопытством и той особой житейской хитростью, что была присуща большинству деревенских жителей, перебравшихся в город.

Я попыталась прикинуть возраст кучера, но сделать это оказалось непросто. Тридцать пять? Сорок? Или больше? Толстый живот и лоснящиеся бугристые щеки сбивали с толку. Увы, за два года я так и не научилась определять возраст местных жителей. В Ветерии выросли рано, и дородная матрона, похожая на мать большого семейства, вполне могла оказаться восемнадцатилетней девушкой, а крупный усатый мужчина – вчерашним мальчишкой.

– Издалека небось? – не дождавшись ответа, уточнил Никколо.

– Из Саритии.

– Ишь ты, куда от дома забралась! А город какой?

– Калон.

– Из столицы, значит? А родные там остались?

– Нет.

– Что ж ты такая неразговорчивая, обычно ньоры все поговорить горазды, а из тебя каждое слово тянуть приходится, – хмыкнул Никколо. – А ребяенок чей? Муж был или так родила, без брака? – не унимался он.

Я промолчала.

– От любовника, значит, – сделал вывод кучер. – Ну, девка-то ты красивая, оно понятно, молодая, опять же.

Он о чем-то задумался, а я невесело усмехнулась. Молодая... Иногда, в минуты отчаяния, казалось, что мне не двадцать шесть, а все сорок и что в жизни уже не будет ни любви, ни счастья, ни долгожданного возвращения домой. И что все мои усилия, все надежды напрасны. Нет, это бывало нечасто, так, временами, когда отчаяние хватало за глотку холодной рукой и жизнь поворачивалась совсем уж темной стороной. Но потом я смотрела на Беттину, и тоска отступала, сменяясь надеждой. Я справлюсь, у меня получится. Ради Бетти...

Вспомнилось вчерашнее прощание, маленькие ручки, обнимающие меня за шею, бледные щечки, похудевшие за время болезни, большие темные глаза, в которых светился недетский ум. И жалобный плач, доносящийся из домика ньоры Арелли. Каждый раз, когда я уходила из него, этот плач переворачивал мне душу. Беттина не хотела меня отпускать, цеплялась крохотными пальчиками, что-то лопота-

ла, по ее лицу горошинами катились слезы, а я собирала их губами и не могла заставить себя оторваться от своей крохи.

– Ну вот, гляди, сейчас через лес проедем, а там до виллы рукой подать, – вернул меня в настоящее голос кучера.

Карета свернула с широкого тракта на узкую лесную дорогу, Никколо причмокнул, понукая лошадей идти по ней, и наша повозка покатила между старыми, высокими соснами.

Я посмотрела по сторонам и подняла глаза к виднеющейся между темными кронами полоске неба. Она была яркой, синей, с белыми барашками облаков. И в душе при виде бескрайней красоты проснулось что-то давнее, забытое, беззаботное. И остро захотелось вернуться туда, где не нужно было тяжело работать, чтобы получить свой кусок хлеба, где жизнь воспринималась если не легкой, то хотя бы понятной и привычной.

Лес расступился неожиданно. И так же неожиданно впереди показалась небольшая вилла. Она стояла посреди выложенной каменными плитами площади, окруженная исполинскими дубами, и на стеклах ее окон весело блестели солнечные блики. Справа от особняка белело здание конюшни. Над яркой клумбой в центре двора беззаботно кружили разноцветные бабочки, а в воздухе стоял запах скошенной травы и тонкий аромат растущих чуть в стороне от дома олеандров.

– Вот и приехали, – сказал Никколо и натянул вожжи, останавливая лошадей.

Карета герцога подкатила к самым ступеням и тоже остановилась. Я видела, как из нее выскочил Гумер, следом за ним спрыгнул с подножки Аьери и, быстро взбежав по лестнице, потянул на себя дверь.

– Ты долго сидеть собираешься? – заставил меня оторваться от наблюдения насмешливый голос Никколо. – Иди, ньор герцог ждать не любит.

Я еще раз окинула внимательным взглядом дом, подхватила узелок и спустилась на широкие, нагретые солнцем плиты.

* * *

Внутри особняка оказалось темно, и после яркого солнца, брызжущего за окнами, в первый момент мне почудилось, что я ослепла. А потом зрение вернулось, и я разглядела небольшой холл, старые фрески на стенах, потрескавшийся мрамор пола, бронзовую люстру с оплывшими свечами – совершенно простую, немагическую. Обычно в домах богатых ветерийцев много всяких приспособлений, будь то кристаллы для подогрева воды или вечные светильники, но вилла «Томалли», похоже, жила глубоким прошлым, в котором не было места магическим и механическим изобретениям.

Я повернула голову, рассматривая остальную обстановку. Резные консоли вдоль стены, потрескавшееся зеркало в позолоченной фигурной раме, огромный темный портрет по-

жилого мужчины в длинной черной мантии. Я подошла ближе, рассматривая надменное лицо и пытаясь отыскать в нем сходство с Аьери, но не нашла его и перевела взгляд дальше. Большая кадка с пальмой, небольшой плетеный коврик в центре, резной деревянный шкаф. На противоположной от портрета стене висело большое распятие, а под ним стоял бронзовый подсвечник с толстыми витыми свечами. В воздухе едва ощутимо пахло ладаном и воском.

– Чего на пороге встала? Проходи давай, – послышался из-за моей спины резкий скрипучий голос.

Я оглянулась. Прямо передо мной стояла невысокая сухонькая старушка с пышными седыми волосами, собранными в низкий узел, и с тонкой кружевной шалью на плечах. Черные глаза ньоры смотрели вьедливо, тонкие губы были сердито поджаты, а маленькое сморщенное лицо напоминало печеное яблоко.

– Чего застыла? – прищурившись, спросила старушка и цапнула маленькой, похожей на птичью ручкой сверкающий на темной ткани платья крест. – Ты с ньором герцогом? Служанка? Устала с дороги?

Я отрицательно качнула головой, не зная, на какой вопрос отвечать.

– Ну, иди за мной, комнату покажу, – сказала ньора и посеменила к боковому коридору. – Меня ньора Ноэлья зовут. А ты кто?

– Алессия.

– Ишь ты, защитница, значит? Хорошее имя. Сильное. Что ж, женщинам сила нужна, без нее никак.

Старушка шустро неслась вперед, мимо закрытых комнат, и ее черные юбки тихо шуршали в такт шагам. Выкрашенные охрой стены были пустыми, их разбавляли только темные деревянные двери и редкие канделябры с оплывшими свечами.

– Тут будешь жить, – толкнув одну из дверей, заявила ньора. – Места хватит. Пустовато, конечно, давно никто не оставливался. Где-то у нас на чердаке старое кресло было, я сейчас Винченцо пошлю, он от ньора герцога вернется и найдет. Винченцо – это мой муж, – пояснила она. – Мы с ним, почитай, больше полувека вместе прожили, семерых сыновей на ноги поставили. Все как один красавцы, – с гордостью сказала ньора Ноэлья и распахнула решетчатые деревянные ставни, впуская в комнату солнечный свет.

Я огляделась. Обстановка была скромной. Узкая кровать, маленький коврик, у противоположной от кровати стены – старый облупившийся комод, на котором стояли кувшин и таз для умывания. Окна закрывали легкие батистовые занавески. Что ж, обычная комната. Вот только отчетливый запах ладана казался здесь неуместным, как и большое распятие, висящее прямо над изголовьем.

– Что-то ты худая какая, – ворчливо сказала ньора Ноэлья, окидывая меня быстрым взглядом. – Хворая, что ли?

– Нет, я не болею.

– Так ты еще и чужачка? И откуда?

– Из Саритии.

– Мадонна, как же тебя так далеко от дома занесло?

Старушка всплеснула руками и уставилась на меня острым, совсем молодым взглядом, а я невольно повела плечом. Знала бы ньора, насколько далеко меня занесло.

– Ладно, поживешь у нас в Адуе, на природе да на свежем воздухе, обязательно поправишься. Козьего молока тут вдовосталь, через пару дней такие щеки наешь, что приятно посмотреть будет.

На тонких губах появилась улыбка.

– Приводи себя в порядок и приходи на кухню, я тебя покормлю. Вот только дармоедов этих спроважу, и покормлю.

Под дармоедами ньора Ноэлья, видимо, подразумевала герцогских кучеров.

– Пусть на ферму к Ларетти едут, нечего тут животы набивать, такие знатные зады отъели, что форменные штаны пошвам трещат, – пробормотала старушка, подтверждая мои догадки. – А ты не задерживайся, – посмотрела она на меня и взялась за фигурную бронзовую ручку.

Я кивнула, ньора Ноэлья проворчала что-то неразборчиво и вышла из комнаты.

* * *

Через десять минут, когда я успела умыться с дороги,

в дверь постучали, и она тут же распахнулась, чтобы пропустить внутрь высокого худощавого старика в коричневой верте и выглядывающей из-под нее белой рубаше. Черные шерстяные штаны ньюра были заправлены в легкие кожаные сапоги, на поясе болталась связка ключей.

– Ты, что ли, Алессия? – подслеповато щуря темные глаза, спросил старик. Его морщинистое лицо казалось добрым и беззащитным, как у ребенка. – А я Винченцо, тутошний смотритель. Мебель тебе принес. Ну-ка, придержи дверь.

Я выполнила просьбу, а старик затащил в комнату деревянное кресло и поставил его рядом с комодом.

– Теперь будет где отдохнуть вечерком, – довольно улыбнулся в седые усы. – Ты вот что, Алессия, хозяин велел к нему зайти, как устроишься.

– Вы меня проводите?

– А чего ж не проводить? Разбери свой узелок, да и пойдём.

Винченцо дождался, пока я сложу вещи, и повел меня к Абьери.

– Давненько хозяин в «Томалли» не показывался, – идя по коридору, говорил старик. – Почитай, только раз в год и заглядывает. В прошлый его приезд еще Фабрицио у нас жил. Сынок наш младший, – пояснил старик и добавил: – Недавно женился, своим домом заправляет. Уже и пополнение ждет. Как время-то летит. Кажется, только недавно в одной рубаше бегал, а теперь... Вот и пришли, – остановившись у одной из

дверей, сказал Винченцо и тихо постучал.

– Войдите, – раздался негромкий голос.

Слуга подтолкнул меня вперед.

Я вошла и уже привычно уткнулась взглядом в широкую спину. Герцог стоял у дальнего окна, разглядывая старое раскидистое дерево, растущее у самого дома. А может, только делал вид. Два других окна закрывали ставни, оберегающие комнату от дневного зноя. Гумер лежал рядом с креслом, и на его морде застыло привычное недовольство. Станный пес. И глаза у него странные – черные, как темнота ветерийской ночи, и такие же опасные. Уж на что я любила собак и умела с ними ладить, но с Гумером общаться даже не пыталась. Этот «песик» был слишком себе на уме и не признавал никого, кроме своего хозяина.

– Как устроилась? – не поворачиваясь, спросил Абъери.

Похоже, ньор предпочитал не смотреть на собеседников. Уже в который раз мне доводилось «общаться» с его спиной. Что это, нежелание видеть прислугу или герцог не хочет показывать прикрытое маской лицо?

– Хорошо, ньор герцог.

– Комната понравилась?

Станный вопрос. Какой хозяин спрашивает у прислуги, нравится ли ей комната?

– Она в порядке, ньор герцог, – уклончиво сказала в ответ.

– В порядке? А вот в моих покоях его нет. Слишком пыльно, – в голосе герцога послышалась усталость – странная,

безнадежная, даже отчаянная какая-то. – Ты должна здесь убрать.

Ньор сложил руки за спиной, снова воскресив в памяти образ отца, и я тихо вздохнула. Вспоминать прошлое и свой мир было невыносимо больно, поэтому я старалась глушить любые мысли о нем, останавливаясь на том, что происходит сейчас, в данную минуту. И вот именно в данную минуту герцог заставил меня снова вернуться назад, оглянуться на прежнюю жизнь. И это вызывало боль.

– Поняла?

– Да, ньор герцог.

– Можешь приступать.

Я окинула оценивающим взглядом просторную темную спальню, стоящего у окна Аьери и невольно подумала о том, что герцог выглядит весьма неплохо. Настоящий красавец, если не брать в расчет закрывающую лицо маску. Впрочем, она только добавляла ему привлекательности. Если бы еще разгадать ее тайну...

Святая Лючия! Просто наваждение какое-то! Вместо того чтобы думать о камне, я постоянно размышляла о загадочном хозяине Навере и никак не могла отделаться от желания заглянуть под черную завесу призрачной маски.

– Ты чего-то ждешь? – негромко спросил Аьери.

– Простите, ньор герцог. Мне нужно сходить за всем необходимым для уборки.

– Иди. И скажи Ноэлье, что я не буду обедать, пусть не

суетится.

– Хорошо, ньор герцог.

Я выскользнула за дверь, быстро добежала до кухни и передала Ноэлье распоряжение герцога.

– Да как же без обеда? – возмутилась ньора. – А для чего я весь день у печи простояла? А цыпята в соусе? – всплеснула она руками. – Остынут же! Нет, ничего не знаю, не хочет в столовой обедать, так я тебе поднос дам, отнесешь в покои. И смотри, чтобы ньор герцог все съел!

– Мне бы метелку для уборки...

– А потом и уборка, – быстро собирая на большой поднос тарелки, ответила ньора. – Вот, горячее все, – приговаривала она. – Неси, из твоих рук уж наверняка поест.

В этом я сильно сомневалась, но деваться было некуда. Одного взгляда на деятельную старушку хватило, чтобы понять, что она не отступит.

– Ну, иди, – сунув мне в руки поднос, велела ньора Ноэлья. – И улыбайся, нечего хозяину аппетит кислым лицом портить.

«Улыбаемся и пашем», – всплыла в памяти забытая фраза, но я сцепила зубы и запретила себе вспоминать. Слишком больно. Потом наступит откат, и я не смогу держать себя в руках. Нет. В моем положении подобная слабость недопустима. Лучше думать о Беттине. Через две недели моей девочке исполнится год. И я уже знала, что подарю ей на первый в ее жизни день рождения. Настоящую покупную игрушку. Не

тряпичного уродца, а самую настоящую деревянную лошадку. Маленькую, раскрашенную разноцветными красками, с красивыми бубенчиками и смешной гривой. В лавках такие стоили три динара, но на ярмарке можно было сторговаться за полтора.

Мысль о том, как обрадуется Беттина, заставила меня улыбнуться, и в покои герцога я вошла, не успев стереть эту улыбку со своих губ.

Абъери все так же стоял у окна, но смотрел не во двор, а прямо на меня.

– Что это? – резко спросил он, кивнув на злосчастный поднос.

Тьма на его лице заволновалась, почернела еще больше, распространилась до самого подбородка, слившись с черным бархатом верты.

– Обед, милорд, – ровно сказала в ответ.

Если герцог решил меня запугать, то зря. Меня таким не проймешь.

– Я же ясно выразился, что не собираюсь обедать. Почему ты ослушалась? Что это еще за самовольство?

– Простите, ньор герцог, но вам необходимо есть, – я говорила так, словно уговаривала капризного ребенка. – И это вкусно. Ньора Ноэлья старалась.

Я опустила поднос на стол и принялась расставлять тарелки.

– Старалась, говоришь?

Абьери оказался за моей спиной так близко, что я почувствовала на шее его дыхание. Сердце забилося быстрее.

– Да, вы только попробуйте. Хотя бы немного.

В душе смешались два совершенно разных чувства. С одной стороны, мне хотелось оправдать надежды Ноэльки, но с другой – почему-то стало важным накормить герцога. Я сама не знала, откуда взялся этот извечный женский инстинкт, заставляющий помочь и обогреть, и даже не хотела об этом задумываться.

– Вот, все готово.

Я обернулась и наткнулась на внимательный взгляд.

– Тебя предупреждали, что я не люблю своеволия прислуги?

Герцог положил ладони на спинку стула, чуть наклонился вперед, и я невольно вздрогнула, ощутив холод призрачной тьмы, которая оказалась совсем рядом.

– Да, ньор герцог. – Мой голос звучал ровно. Я твердо встретила пристальный взгляд.

– И все же ты рискнула навлечь мой гнев. – Абьери говорил так, словно рассуждал сам с собой. – Интересно, почему?

Кто бы мне самой объяснил...

– Вчера вы не ужинали, сегодня почти не притронулись к завтраку, – я заглянула в глубокую синь глаз и добавила: – Если вы не будете есть, то ослабеете.

Герцог еле слышно хмыкнул. А потом резким движением отодвинул стул и сел.

– Что ж, хорошо.

Абьери, не отрывая от меня взгляда, взял с тарелки куриновую ножку. А я невольно уставилась на унизанные кольцами пальцы. Странно. Обычно герцог надевал только два – рубиновый символ родовой власти и еще один, с ярким синим сапфиром. А сегодня на его руках переливались четыре камня, среди которых выделялся крупный черный бриллиант.

Я прислушалась к себе. Может, один из этих драгоценных камней и есть тот, что мне нужен? Увы. Сердце молчало.

– Налей перне, – приказал Абьери, и, когда вино доверху заполнило бокал, он, словно невзначай, накрыл мою руку своей. Это прикосновение откликнулось внутри горячей волной, окатило низ живота, опалило щеки.

Я замерла от неожиданности. Только этого не хватало! Неужели герцог принял обычное человеческое сочувствие за что-то другое?

– Простите. – Я осторожно выдернула руку, поставила бутылку и отступила на шаг назад. Не нужны мне знаки внимания. И Абьери не нужен.

В комнате повисла тишина. Тяжелая, горячая. Казалось, еще немного, и в воздухе затрещат электрические разряды. Грудь сдавило, воздух куда-то исчез, и я с трудом вдохнула раскаленную лаву, заменившую собой кислород.

– Можешь убирать, – голос Абьери прозвучал глухо, и мне почему-то стало не по себе. И сердце тоскливо защемило, как будто я была не права.

«Глупости все это. Не нужны мне лишние осложнения, хватит и тех, что есть».

Алессандро Абьери

Алессандро смотрел на стоящую напротив девушку. Он наблюдал за ней с того самого дня, как Алессия поселилась в его доме, видел, как старательно она работает, как внимательно разглядывает все вокруг, как иногда едва заметно улыбается краешками губ, и все еще не мог понять, что таится за этой улыбкой, что скрывают загадочные янтарные глаза. А главное, никак не получалось осознать, почему его так тянет к чужестранке. Что в ней особенного? Красота? В его жизни было немало красивых женщин. Тайна? Да, пожалуй, но кто сказал, что она непременно есть? Может, все дело в том, что Алессия плохо владеет языком и мало общается с окружающими и потому кажется, что она что-то скрывает?

Как говорил его старый учитель Години, у судьбы нет проходных героев. Все, кто входит в нашу жизнь и привлекает внимание, цепляет за живое, обязательно сыграют свою роль. «Какова твоя роль, чужестранка? Что ты принесешь в мою жизнь?»

Алессандро пытался прочесть ответы в янтаре непокорного взгляда, но тот надежно скрывал свои тайны – яркий, мерцающий, удивительно теплый и молчаливый. И магия на девушку не действовала. Любое его заклинание тут же исчезало, словно впитываясь в невидимую ауру Алессии. Раньше

он с таким не сталкивался. В самую первую встречу, когда попытался прочесть стоящую перед ним нищенку, его тьма наткнулась на прозрачный контур, защищающий девушку от любых попыток проникнуть в ее память. И это было удивительно. Казалось, что Алессия просто впитывает его силу, растворяя ее без следа. Странный эффект. Он тогда не удержался, первой же ночью зашел в отведенную работнице комнату и попытался снова прочесть прошлое Алессии. Но все его усилия оказались напрасны. Еще и себя чуть не выдал – девушка сумела почувствовать его невидимое присутствие и забеспокоилась.

– Я могу убирать? – с сильным акцентом спросила Алессия, и он молча кивнул, а потом прошел к креслу и сел, наблюдая за тем, как служанка вышла из комнаты с подносом и вскоре вернулась с метелками и тряпками для пыли.

– Вы останетесь? Я не буду мешать?

Он только махнул рукой и взял со стола книгу, делая вид, что собирается читать, но взгляд упорно следил за служанкой, а внутри тлело неясное желание. Хотелось взять ее за руку, потянуть на себя, коснуться губ, распробовать на вкус...

Он так явственно представил, как раздвигает их языком, погружается в манящую теплую глубину, как заглядывает в расплавленный янтарь миндалевидных глаз, что тьма вырвалась из-под контроля и устремилась к девушке, и ему удалось остановить силу в самый последний момент. Мадонна! Едва не забылся...

Нет. Нельзя. Не стоит нарушать собственные правила. Как бы ни была хороша чужестранка, он не собирался с ней спать. Не хватало еще уподобиться отцу, не пропустившему во дворце почти ни одной юбки и наплодившему кучу «наследников».

Абьери резко отвернулся, чтобы избавиться от искушения, и уставился в окно, но янтарные глаза так и не исчезли. Они таинственно мерцали, тревожили душу, манили своей тайной. Не иначе, наваждение.

Он чуть повернул голову и снова посмотрел на девушку. Спокойна, сосредоточенна, работу выполняет ловко и споро, но почему-то кажется, что мыслями она далеко и от этой комнаты, и от уборки, и от него.

Тьма заволновалась. Он ощутил, как она просочилась из глаз, и на какую-то секунду поддался, позволил себе забыть-ся и перестал контролировать силу. Темные щупальца потянулись к девушке, оплели ее шею, поползли к сердцу, и в тот же миг внутри вспыхнуло яркое видение: ночь, две женщины, бредущие по узкой горной дороге, гнущиеся от ветра деревья, полная луна, прячущаяся за их кронами. Что это? Сарития? Похоже на то. Одна из женщин обернулась, и он узнал в ней Алессию. Но что с ее руками? Откуда на них эти окровавленные тряпки? И почему ее спутница идет так тяжело, с трудом переставляя ноги? Судя по одежде, женщина принадлежала к семье небогатых негоциантов. А вот Алессия была в каком-то странном темном балахоне и с рас-

пущенными, как у ведьмы, волосами, и даже темнота ночи не могла до конца скрыть их огненную красоту. Взгляд опустился ниже и замер на босых, израненных ногах. Маленькие ступни, изящные тонкие щиколотки, сбитые крошечные пальчики. Внутри вспыхнуло нелепое желание подхватить девушку на руки, прижать к себе, облегчить боль...

Резкое движение Гумера заставило его опомниться. Мадонна! Что он творит? Гумер посмотрел на него с предвкушением, алые глаза загорелись азартом, прикрытая иллюзией морда оскалилась, обнажая огромные клыки, но он уже успел собраться, останавливая своенравную сущность.

– Все готово, ньор герцог, – послышался мелодичный голос, и Аьбери очнулся.

Странный все-таки акцент у саритянки. Слишком твердые согласные. Так обычно говорят жители севера.

Взгляд прошелся по высокой груди, спустился ниже, к мягкой округлости бедер, и снова вернулся к лицу. Нет, не похожа она на жительницу соседнего королевства. Совсем не похожа. Еще и глаза эти... В самой глубине под внешней безмятежностью словно беспокойный огонь горит. И манит, манит, манит. Обжигает душу, пронзает ее острым стилетом, заставляет желать...

– Я могу идти?

В голосе служанки проскользнули странные нотки. Она словно бы торопилась сбежать и в то же время хотела остаться. Что это? Игра воображения или он снова стал считывать

чужие эмоции? Но ведь это невозможно. Нет, наверное, показалось. Години сказал, что восстановить утерянный дар не получится, он ушел навсегда. Тот проклятый день коронации Филиппа отобрал у него не только отца, но и редкое умение распознавать чужие эмоции, оставив взамен черноту, почти полностью поглотившую душу, да злобного стража, безмолвной тенью вошедшего в его жизнь.

– Ньор герцог? Я могу уйти? – вторгся в его воспоминания мелодичный голос, и он вынырнул из страшных видений прошлого.

– Иди, – в груди вскипела злость. На судьбу, на себя, на девушку, что напомнила о его потере. – Уходи, – махнул он рукой, торопясь избавиться от той, что разбудила слишком горькие надежды.

– Да, ньор герцог, – прозвучал тихий ответ, и Алессия исчезла за дверью так бесшумно, словно была бестелесным духом.

Что-то он расклеился. Надо собраться. Это все Ночь Синего Сартона. Она совсем близко, влияет на его настроение, усиливает эмоции, берedit душу. Мадонна... Не время возвращаться в прошлое. Нужно подготовиться к ритуалу.

Он поднялся и достал из шкафа старый фолиант. Страницы шелестели под рукой, строчки заклинаний загорались огненными буквами, пальцы привычно выплетали сайлесскую вязь. Тьма сгустилась, легла на лицо плотной маской, стянула кожу, но ему было плевать на неудобства. Грядущий

ритуал усмирит ее еще на год, загонит глубже, даст ему силы управлять своенравной сущностью. И вот тогда он сумеет разобраться и с Алессией, и с теми странными чувствами, что она пробудила в его душе.

Алессия Пьезе

Я вышла из комнаты и без сил прислонилась к стене. Голова странно кружилась. Не знаю, то ли дорога повлияла, то ли смена климата. В Навере лето было засушливым и жарким, а здесь, в Адуе, в воздухе отчетливо ощущалась влага. И земля выглядела жирной и черной, как после хорошего дождя. Бетти любила дождь. Если мы попадали в непогоду, она никогда не плакала, наоборот – подставляла лицо под падающие с неба капли и весело смеялась, а в ее крупных черных глазах блестели лукавые искорки.

Я прижала руки к груди.

«Ни о чем не переживайте, ньора Алессия, – всплыли в памяти слова ньоры Арелли. – Поезжайте спокойно, я за Беттиной присмотрю. Девочка она смирная, с ней и хлопот никаких, не то что с моим сорванцом».

Святая Лючия, только бы с Беттиной все было хорошо! Как она там одна? За все время странствий я ни разу не оставляла ее у чужих людей так надолго. Бетти всегда была со мной. Когда я работала в траттории, она спала в чуланчике в большой бельевой корзине, и на виноградники я ее брала – привязывала к себе платком, чтобы руки свободными

были, или ставила корзину в тень, а сейчас... Нет, умом я все понимала, знала, что не я одна в таком положении. Вот только сердце не успокаивалось, ныло и ныло. А иногда просто заходило от чувства вины и тоски. Как будто я бросила свою Бетти. Святая Лючия, да будь моя воля, я бы и на секунду с ней не рассталась!

«Не печалься, чарита, – вспомнился сочувствующий голос Козимы. – Это только первое время тяжело, а потом привыкаешь. Зато детки наши сыты-одеты, уж спасибо ньору герцогу, на деньги он не скупится».

Среди служанок, работающих во дворце, было много замужних, но семьи работниц жили за пределами дворца, и навещать их можно было не чаще двух раз в неделю. И всем это казалось нормальным. Станный мир...

Я провела рукой по лбу, убирая выбившиеся волосы, вздохнула и пошла на кухню. Нужно было узнать у Ноэли, какую работу она собирается мне поручить.

– Бог с тобой, красавица, какую там работу? – всплеснула руками старушка, когда я задала ей этот вопрос. – Не нужно ничего, я с утра уже все убрала. Вот молока попей да и иди отдыхать, ужин у нас в девять, после того как ньор герцог поест.

Она замерла на секунду, задумалась, а потом вскинула на меня взгляд, и в ее глазах блеснул огонек:

- А что, Алессия, сможешь мне хозяина накормить?
- Вы предлагаете мне накрыть на стол?

– И на стол накрыть, и еду подать, – закивала головой ньюра Ноэлья. – Из твоих рук он охотнее есть будет, – пояснила она, и на ее губах мелькнула лукавая улыбка.

Вот так и оказалось, что ровно в восемь вечера я стояла рядом со стулом герцога, держа в руках кувшин с вином, и внимательно наблюдала за тем, как Абьери ест. Делал он это неторопливо и изящно, без жадности и лишней суеты. Жесты его были скупыми, четкими, выверенными. Призрачная маска плотно прилегалась к лицу. Мне даже показалось, что она натянулась, врезалась в кожу, слилась с ней, причиняя Абьери боль, но герцог выглядел невозмутимым, и я решила, что ошиблась.

Тишину столовой нарушал лишь стук приборов да еле слышный скрип старого буфета.

Я обвела взглядом тонушую в полумраке комнату. Фрески на стенах, изображающие райские сады, были старыми и потрескавшимися. Высокие бронзовые канделябры уныло плакали желтыми восковыми слезами, сквозь узкие окна проникал тусклый свет уходящего дня, а статуя неизвестного святого скорбно застыла в углу. Герцог сидел во главе длинного стола и казался невероятно одиноким. Мне даже почудилось, что его одиночество сродни моему – такое же горькое и безнадежное. Но потом я увидела, каким холодным огнем сверкают синие глаза, и поняла, что ошиблась. Не было между нами ничего общего, и быть не могло.

– Вина.

Абьери поднял бокал. Я аккуратно наполнила его до самых краев и отступила назад. Гумер, растянувшийся рядом со стулом герцога, неотрывно следил за хозяином, но, в отличие от большинства домашних питомцев, еду не выпрашивал. Он вообще вел себя с большим достоинством.

– Садись, – последовал следующий приказ. Вот только прозвучал он на саритийском.

– Простите?

Я оторвала взгляд от Гумера и недоверчиво посмотрела на герцога.

– Сядь, – снова повторил тот, и мне пришлось сесть на указанный им стул. – Возьми скарпатоне.

Я взяла с овального блюда большой, похожий на манго фрукт. Пес поднял голову и уставился прямо мне в глаза. По спине пробежал холодок.

– Ешь, – последовал очередной приказ на саритийском.

Я вопросительно уставилась на герцога. Это что, какая-то проверка?

– Ну же, чего ты ждешь?

Чернота маски сгустилась, стала маслянистой, похожей на нефть. Ах да, как же я могла забыть? Ньор герцог привык, чтобы его приказы выполняли мгновенно.

Я выбрала нож для фруктов, несколькими движениями почистила скарпатоне, порезала его на дольки и отложила в сторону большую плоскую косточку.

Герцог наблюдал за мной с непонятным интересом.

– Ты уже пробовала его раньше? – Во взгляде Абельери мелькнула какая-то эмоция.

Разумеется, я пробовала манго, вот только говорить об этом не стоило. Откуда нищая чужестранка может знать, каковы на вкус фрукты, которые в Ветерии едят одни аристократы? Правильно. Ниоткуда. Значит, лучше об этом помалкивать.

Я отрицательно покачала головой. Абельери недоверчиво прищурился.

– Ешь, – снова велел он.

Я подцепила двузубой вилкой тонкий кусочек и отправила его в рот. Перед глазами вспышкой пронеслось видение: небольшая уютная кухня в старой пятиэтажке, крошечный стол, яркие желтые ломтики манго и ананаса, веером выложенные на тарелке, чашки с недопитым кофе, сигаретный дым, горячие губы Сергея... Воспоминание оказалось таким явственным, что я неловко сглотнула и закашлялась. Проклятье! Старуха Лючия предупреждала, что ее чар надолго не хватит, но я надеялась, что успею найти камень перемен до того, как личина забвения полностью растает.

«Твои воспоминания опасны, Алессия, – говорила ведьма. – Ты должна вести себя как обычная простолюдинка. А как этого добиться, если ты свободной родилась и кланяться не привыкла? Да любой сразу поймет, что с тобой что-то не так. И опять в тюрьму попадешь. Ты ведь не хочешь в тюрьму?»

В тюрьму я не хотела, потому и согласилась, чтобы Лючия наложила на мою память магическую заплатку и заменила настоящие воспоминания выдуманнными. Вот только с тех пор, как я попала в Навере, прежняя жизнь стала прорываться яркими видениями все чаще и чаще. И это было опасно.

– Возьми, – мне в руку ткнулась льняная салфетка.

– Простите, – утерев губы, посмотрела на герцога. Тот буравил меня внимательным взглядом, и мне показалось, что в нем мелькает подозрение.

– В каком городе ты родилась? – все так же на саритийском спросил Абьери.

– Аргаба, – без запинки ответила я, радуясь тому, что Джованна много раз устраивала мне «тренировочные» допросы.

– Кем были твои родители?

– Отец держал лавку скобяных товаров, но она сгорела.

– Как он умер?

– Они с мамой погибли в море. Утонули.

– Сколько тебе было?

Вопросы следовали быстро, не давая мне времени подумать над ответами.

– Девятнадцать.

– Почему ты не осталась на родине?

– Голод.

Джованна рассказывала, что три года назад в Саритии бы-

ла страшная засуха, вызвавшая неурожай и голод. Многие жители тогда подались в соседние страны, пытаясь выжить, так что моя версия казалась довольно правдоподобной.

Абьери задумался. Тьма на его лице сгустилась.

Я изо всех сил старалась не показывать своего волнения.

Если герцог заподозрит, что я лгу, это будет конец.

– Ноэлья! – после долгой паузы позвал герцог, а у меня внутри все сжалось.

– Да, хозяин? – Старая ньора неслышно возникла рядом со столом.

– Скажи Винченцо, чтобы подготовил все для завтрашней охоты, – не отрывая от меня взгляда, сказал Абьери.

– Хорошо, ньор герцог. Изволите послать за соседями?

– Нет. Один пойду.

Герцог небрежно откинулся на спинку стула. Лицо его выглядело неподвижным. А вот Гумер, наоборот, как-то странно подобрался, и в его глазах ярко вспыхнули алые искры, как будто пес уже предвкушал азарт охоты и легкую поживу. На миг я ощутила себя той самой жертвой, которую загоняет опытный охотник, и поежилась. Неприятное ощущение. Вот только я не жертва. Абьери ничего не добьется, он не сможет меня «загнать».

– Да как же один, хозяин? Кабанов в дальнем лесу сколько, самый сезон, одному никак нельзя, – всполошилась старушка.

– Ноэлья, – взглядом остановил ее герцог, и ньора замол-

чала на полуслове.

– Хорошо, ньор герцог, я все передам, – вздохнув, ответила она, а потом поклонилась и вышла из столовой.

– Ты тоже можешь идти, Алессия, – равнодушно посмотрел на меня Абельери, и я поднялась из-за стола.

* * *

Утром следующего дня герцог уехал на охоту, а я, после того как убрала комнаты и вытащила на воздух перины для просушки, получила у Ноэљи разрешение пройтись по окрестностям и отправилась к реке. Виллу «Томалли» со всех сторон окружал лес, но совсем рядом с домом протекала тихая Арна – одна из нескольких водных артерий империи. «Очень удачное расположение, – делился со мной Винченцо. – Воды у нас всегда вдосталь, ньор герцог еще десять лет назад распорядился водопровод устроить, теперь и старые колодцы не нужны».

Тропинка бежала под уклон, на ветвях деревьев весело пели птицы, и я впервые за долгое время ощутила, как отступила сжимающая сердце тревога. Здесь, в тихом уголке Адуи, воздух обладал какой-то целительной силой. Вся тоска, все страхи и воспоминания ушли без следа, и я наконец-то смогла вздохнуть полной грудью. Если бы еще Беттина была здесь, со мной... Моей девочке понравилось бы играть среди яркой травы, наблюдать за разноцветными ба-

бочками, встречать рассвет у меня на руках.

Я так явственно представила эту картину, что на миг ощутила тяжесть маленького тела, крохотные ладошки, глядящие меня по щекам, тихое дыхание. Сердце сжалось. Поскорее бы все закончилось! Тогда мы с Беттиной снова сможем быть вместе, и я избавлюсь от постоянного страха за малышку. И мне больше не придется оставлять ее на чужих людей. Нет, ньора Арелли – хорошая женщина, честная, трудолюбивая, да и Беттина к ней привязалась, но все равно душа не на месте.

Впереди послышался легкий плеск, птицы застрекотали еще громче, тропинка сделала поворот и привела меня к реке. В этом месте Арна была не очень широкой. Берег полого спускался вниз, песок казался неправдоподобно ярким, как будто его шафраном присыпали. Растущие у самой кромки ивы тихо шептались друг с другом и задумчиво полоскали свои зеленые пальцы в тихой заводи.

Я сбежала на откос и огляделась. На противоположном берегу сплошной стеной стояли старые могучие дубы. Река блестела на солнце золотистыми бликами, весело журчала на перекатах и казалась мирной и спокойной. В воздухе отчетливо пахло влагой, слежавшейся листвой и чуть-чуть тиной. Совсем как в моих детских воспоминаниях о Щелковском парке. Мы с мамой любили гулять у пруда и кормить лебедей хлебными крошками, а папа, в те редкие минуты, когда был свободен и мог провести время с семьей, наблюдал за нами

и едва заметно улыбался.

Стоило подойти к воде, как ветер подхватил юбку и потянул вперед, приглашая за собой. Что ж, я не стала отказываться: подоткнула подол и ступила на выложенное мелкими камнями дно. День выдался жарким, и контраст прохладной воды и припекающего солнца заставил поддаться возникшему искушению. Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, одним движением скинула юбку и верхнюю рубашку, зашла поглубже и поплыла вперед, к небольшому островку, рассекающему реку на две части.

Вода была теплой, она ластилась к телу, одаривая его невесомостью, тихо пела, жизнерадостно блестела золотыми бликами, затапливая душу тем самым покоем, которого мне так не хватало...

Я перевернулась на спину и долго лежала, глядя на проплывающие над головой облака и невольно вспоминая другое небо и другую реку. В тот день, три года назад, я впервые увидела Сергея. Он, как и я, приехал на несколько дней в подмосковный пансионат Поляны. Высокий, спортивный, с обаятельной улыбкой и крупными руками, Горчаков сразу привлек внимание отдыхающих дам, и они мгновенно «вышли на охоту». Смешки, заигрывания, намеки, глубокие декольте – в ход пошел весь арсенал женских штучек, но Сергей лишь вежливо улыбался, делая вид, что не замечает двусмысленного интереса отдыхающих дамочек, и не отрывался от телефона, отвечая на бесконечные звонки. А вечером, в

столовой, сел за мой столик и попросил спасти его от навязчивого интереса местных охотниц. Помню, выглядел он таким искренним, что я не смогла отказать. Так мы и познакомились. И больше уже не расставались. Меня тогда как ураганом подхватило – страстные ночи, возвращение в Москву, встречи по выходным... «К тебе? Ко мне?» Все закружилось, и очнулась я только через несколько месяцев, когда ответила «да» на сделанное по всем правилам предложение. «Леська, я счастливчик! – надевая мне на палец кольцо, горячо шептал Сергей. – Если бы ты знала, как я благодарен судьбе за то, что она подарила мне самую лучшую девушку на свете». И я искренне ему верила...

Прохладный ветерок прошелся по лицу, заставив очнуться. Я огляделась по сторонам. Кругом тихо плескалась вода, волосы, высвободившись из стягивающего их узла, веером разошлись вокруг головы и казались диковинными рыжими змеями. Сквозь мокрую ткань рубашки просвечивали соски. Солнце припекало, оставляя на влажной коже жаркие поцелуи. Что ж, пора было возвращаться в реальность.

Я вздохнула и поплыла к берегу. А когда ступила на теплый песок, внутри шевельнулось странное чувство. Мне показалось, что за мной кто-то наблюдает.

Резко обернувшись, обвела взглядом противоположный берег, реку, островок. Нет. Никого. Просто померещилось.

Правда, желание остаться еще ненадолго бесследно пропало, и я, быстро одевшись, припустила к дому.

Глава 4

Алессандро Абьери

Комната медленно погружалась в темноту. Ждать дольше было нельзя.

Он решительно подошел к украшенной росписью стене, коснулся одного из нарисованных розовых бутонов и шагнул в раздвинувшееся пространство. В грудь ударил тяжелый спертый воздух. Алессандро невольно поморщился. Затхлая сырость тайника каждый раз выводила его из себя. Пыль... Пыль и запустение – две вещи, которых он не выносил, но от которых никак не мог избавиться. Вернее, не мог до последнего времени. Сейчас, когда в его комнатах убиралась Алессия, пыли стало гораздо меньше. Наверное, именно поэтому он не удержался от прихоти взять служанку с собой в Адуу.

Алессандро усмехнулся. Разумеется, это был всего лишь предлог. На самом деле он никак не мог утолить возникший интерес, и чем чаще видел чужестранку, тем больше вопросов теснилось в голове. И новая привычка сложилась – начинать день с загадочного янтарного взгляда.

В воздухе заискрило, и он отвлекся от размышлений. Висков коснулся холод невидимого барьера. Магическая проверка. Ледяная волна прошла по телу, удостоверилась в том, что вошедший имеет право находиться в святилище, и растворилась, подпустив его к закопченному, выщербленно-

му от времени жертвеннику.

– Эсценти, – прозвучавшее заклинание заставило вспыхнуть стоящие на алтаре свечи. Их пламя отразилось в зеркальных осколках боковых ниш и впиталось в стекло, обнажая ожившую тьму Нижнего мира. Гумер, неотступной тенью сопровождающий каждый его шаг, мгновенно оказался рядом. Сейчас, без непосвященных «зрителей», псу не было нужды скрывать свой истинный облик, и крупное тело явно оведал губительный черный туман. Години как-то предположил, что этот туман может быть опасен для тех, кто постоянно находится рядом с его носителем, но Алессандро не хотел в это верить. Доказательств маг так и не нашел. А смерть Марио... Нет, в ней не было ничего сверхъестественного, Марко проверил. Друг не стал бы его обманывать.

Абьери положил на подставку книгу заклинаний и обвел взглядом небольшую комнату. Темные стены, простая деревянная скамья, узкое, выходящее во внутренний двор потайное окно, тяжелая кованая дверь.

Когда-то на месте дома стояло капище Вала – древнего бога тьмы, которому поклонялись первые ветерийцы. Абьери только поэтому и купил эту виллу. Удачно все сложилось, если в его случае вообще можно говорить об удаче. И остатки древнего жертвенника удалось отыскать тоже по счастливой случайности. Один из жителей соседней деревни вспомнил, что в старом амбаре лежит «черный камень», оставшийся от служителей бога тьмы. «Страшная глыба, ньор герцог, –

шепелявил старик, глядя на него подслеповатыми глазами. — Злом от нее за пьеду несет».

Абьери криво усмехнулся, глядя на неровную черную поверхность жертвенника. Тому, кто носит тьму в себе, глупо бояться какого-то камня, будь тот хоть чистым воплощением зла.

Он вскинул голову и шагнул вперед. К алтарю.

Оставались последние приготовления.

Алессандро достал из-за пазухи склянку с кровью, вылил в углубление в камне и провел над ним раскрытой ладонью. Перед глазами мелькнули картины недавней охоты: тихий предрассветный лес, шорох листвы под ногами, азарт погони, предсмертный визг дикого вепря, Гумер, замерший над безжизненной тушей. И тут же на смену пришла совсем другая картинка: блестящая солнечными бликами Арна и девушка в короткой, ничего не скрывающей рубашке, выходящая из воды. Это видение снова заставило его затаить дыхание, как и тогда, когда он выбрался к реке и увидел на противоположном берегу Алессию. Медные волосы, обычно убранные под косынку, разметались по плечам свободной тяжелой волной, мокрая ткань облепила совершенное тело, подчеркнув высокую грудь и мягкую линию бедер, длинные стройные ноги ничуть не уступали ногам древней богини любви Алсеи. А лицо... Лицо девушки казалось таким умиротворенным и открытым, что он только сейчас понял, насколько она собрана и насторожена в обычное время. Легкая

улыбка, сияющие счастьем глаза, нежный румянец – ему не нужен был прежний дар, чтобы понять, что она чувствует. Алессия была свободна. И эта свобода делала ее собой, снимая те путы, что накладывало подчиненное положение.

Треск свечи заставил его отвлечься, и он качнул головой. Ночь Синего Сартона вытаскивает из души все тайные и явные желания, заставляет вспоминать то, что забыто, и мечтать о невозможном, убивает благоразумие и обманывает призрачными надеждами. Главное – устоять. Не поддаться соблазнам, не утонуть в желаемых иллюзиях и видениях прошлого.

– Аэро фаресто эби, – шептали губы, повторяя заклинание призыва. – Ватери або.

Пальцы привычно выплетали дублирующую вязь заклинания, повинувшись которому воздух вокруг задрожал, заискрился синими молниями, затрещал грозовыми сполохами. Старинный резной алтарь подернулся клубящимся туманом, а когда тот схлынул, в расколотых зеркальных вставках появилось отражение черного пламени. Оно гудело, рвалось в комнату, пыталось проникнуть в Верхний мир, просочиться и снести все вокруг своей злобой и мощью.

Абьери поднял руки выше и громко произнес:

– Асто. Аэри. Эби.

За окном послышался громовой раскат, небо вспороли ослепительные молнии, а потом все резко стихло, и на Адую опустилась непроницаемая темнота, как бывало всегда, ко-

гда в права вступала Ночь Синего Сартона. Единственная ночь в году, в которую грань, разделяющая Верхний и Нижний миры, истончалась настолько, что можно было увидеть первозданную тьму. Не всем, разумеется. Только тем, кто обладал магией темных.

Перед глазами вереницей прошли суровые лица. Отец, дед, прадед, прапрадед. Все мужчины его рода владели ибери – древней магией тьмы, и у каждого она сочеталась с личным даром, усиливая его в разы. Тяжелое наследство. Не любили в Ветерии представителей семьи Абьери, боялись. В свое время король Велиас Красивый даже издал указ, запрещающий роду Абьери использовать темную магию, и прадед вынужден был поклясться, что никто из его потомков не будет применять темную силу. Вот только выполнить эту клятву не удалось...

Память в который раз вернула его на двадцать лет назад, в день, когда в переполненном народом соборе Святого Климента состоялась коронация Филиппа Смелого. Со всем недавно закончилась Столетняя война, отгремели последние сражения, и семь независимых королевств объединились в одну империю под рукой победителя – правнука святого короля Велиаса Красивого. На торжества съехались аристократы со всей Ветерии, и столица утонула в многодневных празднествах и приемах, предшествующих коронации. Две недели пировали победители, и вот наконец наступил долгожданный день. Алессандро стоял рядом с отцом в

первых рядах придворных, почти у самого алтаря. Он видел, как Филипп занял свое место, как архиепископ Стронцо передал императору корону и тот поднял ее, собираясь водрузить на голову. Но когда венец опустился на чело правителя, тишину собора нарушил хриплый каркающий голос. Он донесся откуда-то сверху, распространился под сводами гулким эхом, ударил по стоящим внизу людям. Алессандро до сих пор не мог понять, кем был тот неизвестный и как он проник в охраняемый собор, да и остальные маги потом так и не узнали эту тайну, но злое колдовство сделало свое дело. «Варса асор!» – раздалось заклинание стазиса. «Сартани абасс!» – прозвучало следом древнее заклятие уничтожения. И в тот же миг Филипп пошатнулся и упал на ступени солеи, корона со звоном покатилась по мрамору пола, а все присутствующие застыли, не в силах сдвинуться с места. И только Алессандро с отцом смогли преодолеть заклятие неизвестного мага – небольшая часть тьмы, на которой был завязан родовой дар Абьери, спасла их от общей участи. Увы. Ничего хорошего из этого не вышло. Злоумышленник, бросив напоследок еще одно темное заклинание, исчез, придворные погрузились в оцепенение, из которого им удалось выйти только спустя долгое время, а отец, преодолев действие заклинания, кинулся к Филиппу. И это было ошибкой. Любовь старшего Абьери к другу детства и соратнику по оружию сыграла с ним злую шутку. Велиас Красивый, прадед Филиппа, не зря слыл самым сильным магом Ветерии. И клятва, которую

он взял с рода Абьери, не предполагала исключений. Даже если тьму пытались применить во благо, клятва все равно не теряла своей силы. Отец тогда не задумывался об этом, пытаясь удержать исчезающую нить жизни монарха, но стоило старшему Абьери произнести слова темного заклинания, как он покачнулся и упал рядом с бездыханным императором. И даже в этот миг все мысли герцога были не о сыне, а об умирающем друге. «Спаси его, – слетел с немеющих уст предсмертный хрип. – Он должен жить!»

Вот только Алессандро мало заботили судьбы империи, и, вместо того чтобы помочь умирающему Филиппу, он бросился к отцу. Бледное лицо, синеющие губы, ускользающая нить жизни – эта страшная картина не раз возвращалась к нему во сне. И он снова ощущал себя молодым неопытным юношей, отчаянно пытающимся спасти единственного близкого человека от смерти.

Абьери провел рукой по лбу, стирая горькое видение. Он не знал, почему остался в живых. Он ведь тоже использовал тьму, до последнего удерживая угасающий огонек жизни, но герцог все равно умер, а он утерял родовой дар, получив вместо него первозданную тьму, заполнившую сердце и душу. Клятва, данная его предками старому королю, оказалась слишком сильной. И он, последний герцог Абьери, до сих пор несет на себе бремя этой нарушенной клятвы. Тьма, которая раньше была лишь малой частью дара, лишила его прежних способностей, захватила целиком, и не только жи-

вет внутри, но и просачивается наружу, оседает на лице черными хлопьями, вспарывает кожу, напоминая выбивающееся из разломов адское пламя. Хорошо хоть, окружающие не способны видеть его подлинный облик. Даже маги. Все они уверены в том, что герцог носит обычную черную маску – то ли из прихоти, то ли из-за увечья. «Уверяю вас, контесса, Алессандро погряз в мистификациях, – вспомнился ему визгливый голос герцогини Альди. – Эта его любовь к таинственной уединенности и черным мессам... Попомните мое слово, однажды он заиграется, и дьявол лично придет за его душой».

Что ж, старая жаба была недалеко от истины. Его душа давно уже отдана тьме в уплату старых семейных долгов.

Еще и Гумер... Вечный страж и ненавистный соглядатай. Окружающие видят в нем обычного дога, и только он, Алессандро, вынужден лицезреть истинный облик адского призрачного пса – скелет, облаченный в устрашающую темноту вечной ночи.

Гумер, словно подслушав его мысли, выступил из тени, посмотрел злыми глазами, в которых горело алое пламя, и тихо рыкнул.

– Скройся, – отмахнулся от него Аьбери.

Гумер недовольно оскалился, но послушаться не посмел и отступил к стене, сливаясь с ее чернотой.

– Аста. Мариде. Аэсто годри.

Слова застывали в воздухе прозрачными каплями. Тьма

внутри заволновалась. В воздухе запахло гарью и серой. Отражение Нижнего мира подернулось дымкой, беснующийся огонь попытался пробиться сквозь тонкую зеркальную преграду, соединиться с той тьмой, что кипела внутри, но Аьбери не прекращал выплетать невидимые узоры, запечатывающие силу тьмы, и пламя постепенно стихло. А вскоре от него остались лишь подернутые пеплом угли, которые едва заметно мерцали в стеклянных осколках.

Алессандро прошептал последние слова заклинания, опустил руки и прислушался к себе. Тьма затаилась. Он больше не ощущал ее так явно, как в последние дни. И маска на лице истончилась, перестала врезаться в кожу.

Он провел пальцами по щеке. Шрамы, появившиеся в последний месяц, когда тьма неистовствовала в своем желании вырваться, зарубцевались и почти исчезли. И сила ощущалась в кончиках пальцев всего лишь легким покалыванием вместо прежнего болезненного.

Аьбери бросил взгляд на свое отражение. Сейчас, без привычной маски, лицо казалось незнакомым. И каким-то беззащитным. Все-таки за столько лет он привык прятать свои мысли и чувства за черной непроницаемой завесой, и лишь в единственную ночь в году она исчезала, являя его подлинный облик.

«Первый красавец империи, самый сильный маг Ветерии, достойный наследник могущественного дома Аьбери», – вспомнились ему подобострастные голоса придвор-

НЫХ ЛЬСТЕЦОВ.

Что ж, все это осталось в прошлом. И лесь, и императорский двор, и поездки в столицу. Но он ни о чем не жалел. Жить прошлым – удел слабых. А он, Алессандро Стефано Абьери, слабаком никогда не был.

Алессия Пьезе

Ночь опустилась на Адую резко, без предупреждения. Небо из светлого стало черным, деревья застыли за окном молчаливыми стражами, дом настороженно затих, словно за-таился, наблюдая за людьми своими старыми подслеповатыми глазами.

Я отошла от окна, заплела волосы в свободную косу и легла в холодную, пахнущую лавандой постель. На душе было беспокойно. Ровно два года назад, в такую же безлунную ночь, я оказалась в Саритии. Измученная, израненная, в нелепом черном балахоне, похожем на саван, не знающая языка и не понимающая, что происходит. Кругом творилось что-то невообразимое: рядом с разломом горы, из которого я с таким трудом выбралась, бегали люди с факелами, кто-то кричал, раздавался пронзительный женский визг, мужчины в странной одежде делали непонятные пассы руками, и те, кто оказывались рядом, тут же падали без движения. Я и сама вскоре упала на землю, толком не соображая, что происходит и почему я не могу пошевелиться. Это уже потом, когда оказалась в сыром подземелье саритийской тюрьмы и

познакомилась с Джованной, поняла, что нахожусь в параллельном мире, и узнала, что мне не повезло выйти к людям в ночь Великого восстания. Сариты, обезумевшие от голода, высоких налогов и бесконечных грабежей, пошли на столицу, и именно у подножия горы Харда состоялся их бой с защищающими подступы к городу магами. Разумеется, маги легко справились с плохо вооруженной толпой и задержали всех, кто выжил после их ударов. В числе «счастливиц» оказалась и я.

Тяжело мне тогда пришлось. Растерянная, испуганная, не понимающая половины слов из быстрой речи тех, кто тащил меня на невидимом аркане, я все пыталась выяснить, что происходит и куда меня ведут. Разумеется, отвечать никто не торопился. И только спустя несколько часов, когда очнулась в тюремном подземелье и познакомилась с Джованной, та смогла кое-как объяснить, где я и почему тут оказалась. Ох, как же трудно мне было поверить... Я снова и снова переспрашивала, пытаюсь понять, что это за страна такая – Сарития и где она находится. Даже карту на пыльном полу начертила, но Джованна тут же перечеркнула ее ногой, стерев мои жалкие каракули. «Никому не говори, что выбралась из разлома, – украдкой оглядевшись по сторонам, медленно сказала она. – Другой мир – это плохо, понимаешь?»

И тревога, прозвучавшая в ее голосе, заставила меня кивнуть. Уже потом я узнала, что пришельцев из нашего мира в Саритии убивают, считая посланниками дьявола, и что

сам разлом огражден магической сигналкой, которая срабатывает при появлении «адских посланников». Почему сирена не среагировала на меня? Похоже, во время боя магов и повстанцев настройки сбились и никто не заметил моего появления.

«Я видела другую женщину, – уже под утро рассказала мне Джованна. – Полтора года назад. Она выбралась из разлома, и у нее была странная одежда. Мужская. И короткие волосы. Совсем. И глаза странные. Она так смотрела вокруг, когда появились храмовники, как будто ничего не понимала. И улыбалась. Улыбалась и протягивала руки, и все говорила что-то, говорила. На неизвестном языке. Не так, как ты».

Конечно, не так. Для меня саритийский звучал как разновидность английского, я понимала общий смысл сказанного и пыталась говорить, пусть и с ошибками. А та несчастная, скорее всего, даже не сообразила, за что ее задержали. «Наш дом стоит совсем рядом с горой Харда, – продолжила Джованна. – Бабушка за свою жизнь семерых пришельцев повидала. А я только одну. Ну и тебя». А на мой вопрос, почему она не сказала обо мне стражам, Джованна вспыхнула и заявила, что ненавидит доносчиков. При этом ее большие черные глаза яростно сверкнули, а на бледных щеках заалел румянец. «Я тебя не выдам», – твердо заявила она и сдержала свое слово. Не выдала.

При мысли о подруге сердце привычно сжалось. Мне ее не хватало. Очень. Джованна была единственной, кто попы-

тался мне помочь, и единственной, кому я смогла довериться. Не знаю, как я тогда не сошла с ума. Оказаться в другом мире... Если бы не реальность происходящего вокруг, я бы решила, что это какой-то розыгрыш, но нет. Все было ужасающе настоящим – и боль в израненном теле, и стоны заполняющих подземелье людей, и бесконечные допросы, на которых меня вынуждали признать свою вину. Вот только я не собиралась этого делать. Не хватало еще признаваться в том, чего не совершала! Дознаватели сменялись один за другим, вопросы на языке, так напоминающем английский, мучили своим однообразием, но я держалась. «Ничего не знаю», – твердила на любой из них и упорно стояла на своем: «Не была, не привлекалась, не участвовала». Вспомнилось лицо последнего дознавателя – невысокого, худого, похожего на инквизитора из старых фильмов. Он никогда не повышал голоса, говорил тихо и медленно, но обладал страшным даром невидимых пыток. После «общения» с ним я еще долго не могла выдавить ни звука, потому что горло болело так, будто меня раскаленным оловом пытали. И где-то после пятой встречи с этим садистом я поняла, что если не сумею выкрутиться, то так и умру в переполненной отчаянием тюрьме.

Я устало вздохнула. Что ж меня все время на воспоминания тянет? Похоже, магия Лючии иссякла слишком быстро и заплатка окончательно растаяла. Или это новое место виновато? Еще и ночь такая страшная – темная, тревожная, на небе ни луны, ни звезд.

Взгляд прошелся по комнате. Тусклый отблеск свечи плясал на полу зыбкими голубоватыми змейками. Фаянсовый кувшин зловеще блестел своими белыми боками. Старый шкаф устрашающе поскрипывал деревянными филенками, и только позолоченный нимб распятия сиял успокаивающим мягким светом. Странно, что в «Томалли» так много церковной атрибутики. Во дворце Абьери я не видела ни одного креста, а здесь, на вилле, возникало ощущение, что я нахожусь в каком-то старинном католическом монастыре – картины с изображениями библейских сюжетов, запах ладана, развешанные в каждой комнате четки и кресты. Может, до Абьери этот дом принадлежал какому-то ордену?

Я потушила свечу и долго лежала в темноте, слушая шорох листвы за окном и вспоминая прошлое. А потом сама не заметила, как уснула. И снова погрузилась в тот день, который разделил мою жизнь на до и после.

* * *

– Прости, Леся. Ты не понимаешь, я должен это сделать.

Горячий шепот Сергея бил в самое сердце. Связанные за спиной руки саднило от боли, веревка, впившаяся в грудь, не позволяла вздохнуть, внутри все горело от обиды и яростного желания вырваться из западни, а на глазах вскипали злые слезы. Как я не увидела, что Горчаков – ненормальный? Почему не заметила, когда он слетел с катушек? Конечно,

мне было не до того! Работа в фотостудии, бесконечные заказы, ремонт в новой квартире, подготовка к свадьбе – я крутилась как белка в колесе, радуясь, торопясь успеть завершить все дела до начала августа, чтобы с чистой совестью отправиться в свадебное путешествие. Целых три недели в самом сердце Алтая! Мы с Сергеем планировали эту поездку почти несколько месяцев, мечтали вырваться из московской суеты и пожить на природе, в первозданной тишине и покое. И чтобы никого вокруг – только горы, лес и дом на берегу озера. Что ж, можно сказать, моя мечта сбылась. Вот он, горный край с его пещерами и тайнами, с пешеходными тропами и вкусной, пропахшей дымом костра едой. Да только, как оказалось, у Сергея тоже была мечта. И для ее осуществления ему нужна была самая малость – моя смерть.

– Отпусти меня! – голос сорвался на хрип. – Слышишь? Немедленно!

Я дернулась, связанные руки пронзила острая боль, а ноги запутались в длинном подоле темного балахона.

– Что за гадость ты на меня нацепил? Где моя одежда?

– Прости, – как сумасшедший шептал Сергей. Его красивое, до последней черточки знакомое лицо исказила гримаса, превратившая мужа в страшного незнакомца. – Прости, Лесь, – продолжал бормотать он, закладывая взрывчатку в разлом скалы. – Я не могу по-другому. Я все рассчитал, ты идеально подходишь...

Он не договорил. Кинул на меня горящий безумием

взгляд и бросился по узкому коридору прочь, разматывая веревку. Я видела, как она змеилась по камням, и изо всех сил пыталась развязать туго стянутый узел. Кожа саднила, боль в запястьях становилась все сильнее, но мне было плевать. Главное, выбраться.

– Сергей, вернись! Выпусти меня!

Я снова рванула веревку.

Проклятый Горчаков! Крепко связал. Еще и к железному крюку в стене пещеры прицепил. Маньяк. Как я сразу не поняла, что он сумасшедший? Все эти разговоры о масонах, магии и прочей дребедени – отчего они не показались мне подозрительными? Почему я вообще не приняла всерьез его внезапное увлечение? Или оно не было внезапным?

Веревка неохотно поддалась. Еще немного... Совсем чуть-чуть. У меня получится...

Тихое шипение, раздавшееся в каменном коридоре, заставило замереть и беззвучно выругаться. Не успею. Я не успею...

Время замерло. Внутри вспыхнуло дикое желание жить, руки рванули веревку, в плече что-то хрустнуло, но я даже не обратила внимания на прострелившую тело боль. Рывок, еще один, альпинистский крюк со звоном упал на пол пещеры, освобождая меня из плена, я потянулась за ним, и тут раздался грохот взрыва, а меня откинуло в гулкую темноту. Она была страшной. Такой страшной, что я закричала. И кричала долго, пытаясь вырваться из призрачных ледяных

объятий.

– Нет! Прочь! Не трогайте меня! Не трогайте...

– Алессия! Проснись.

Чьи-то руки обнимали меня, а я отбивалась и от них, и от темноты, и от кишаших в ней чудовищ.

– Уйдите! Не прикасайтесь ко мне!

– Тихо, все хорошо, это просто сон, – убеждал меня кто-то, а я никак не могла выбраться из ожившего кошмара. – Успокойся. Ты в безопасности.

В безопасности? Как бы не так! В этом мире нет такого понятия. По крайней мере, для меня.

Я рванулась, пытаюсь выбраться из страшной темноты, и зарычала от бессилия, когда поняла, что ничего не выходит.

– Ваэрти саро, – прозвучало прямо у меня над ухом, и тьма неожиданно отступила, а чудовища растворились, выпустив меня из своих бестелесных лап.

По щеке пробежал прохладный ветерок.

Я открыла глаза и наткнулась на горящий взгляд синих глаз. Аьери. Это был он. Нависал надо мной, удерживая в своих объятиях, и смотрел так, будто пытался прочитать мои мысли. Его длинные волосы рассыпались по плечам, распахнутая рубашка обнажала смуглую грудь, и мне неожиданно захотелось провести ладонью по гладкой коже, прижаться всем телом и хоть на миг забыть ужас своего прошлого и настоящего. Снова почувствовать себя живой. Снова почувствовать себя женщиной.

Самое неподходящее желание из всех, какие мне доводилось испытывать. Нашла же время для слабости!

Я резко повела плечами, высвобождаясь из чужих объятий, но в душе продолжала дрожать тонкая, незнакомая струна, и меня тянуло обратно – в тепло крепких рук, к сильной и надежной груди, к уверенному свету ярких глаз, напоминающих неподвижный маяк в разбушевавшемся море.

– Что тебе снилось? – напряженно спросил Аьери.

Его лицо было сумрачным. Оно само казалось похожим на тьму, из которой я недавно выбралась.

– Алессия? – не дождавшись ответа, повторил герцог и осторожно отвел от моего лица растрепавшиеся пряди. Прикосновение вышло нежным, почти невесомым. Чуть шершавые пальцы задели мою щеку, на секунду задержались на ней, но тут же соскользнули.

– Пещера, – неохотно ответила я.

Внутри все еще бродила хмельная смесь из пережитого страха и острого, совершенно несвоевременного желания.

– Просто пещера?

– Там живут чудовища.

– И часто тебе снятся кошмары?

– Нет. Раньше не снились.

Лунный свет коснулся склоненного ко мне лица, и я растерянно моргнула. Темной призрачной маски больше не было. Симметричные черты, ровный нос, широкие брови, твердая складка губ. Я с непонятной жадностью разглядывала от-

крытое, кажущееся обнаженным лицо. Красивый. Очень. И даже тонкие шрамы, хаотично пересекающие правую щеку, не портили эту красоту. Они выглядели воспаленными, как будто их нанесли совсем недавно. Что это, какая-то болезнь?

Я, не отрываясь, смотрела на Абьери, а тот так же пристально рассматривал меня. Не знаю, сколько времени прошло. В какой-то момент герцог потянулся к моим губам, и я почувствовала, как все внутри откликнулось на этот призыв. Мне вдруг до безумия захотелось отбросить настороженность, наплевать на прошлое и хоть на миг забыться, но я пересилила себя и отодвинулась, разрывая возникшее притяжение. Мужчинам нельзя доверять. Ни одному. И уж тем более нельзя доверять тому, кто облечен почти неограниченной властью.

Синие глаза ярко сверкнули. Тьма снова затянула половину лица, скрывая от меня его выражение. Абьери отодвинулся и встал.

– Можешь спать спокойно. Кошмаров больше не будет, – сухо сказал он и пошел к выходу, а я смотрела ему вслед и сама не знала, что чувствую. То ли сожаление, то ли облегчение, то ли досаду.

Дверь закрылась с еле слышным стуком, в комнате снова стало тихо. Луна по-прежнему пряталась за облаками, в приоткрытое окно долетал шум листвы и сладкий аромат олеандров. Где-то вдалеке зловеще ухал филин.

Я смотрела в смутно белеющий потолок, вспоминая свой

сон, и раздумывала над тем, как Абельери мог услышать мой крик из другого крыла дома. Неужели я так громко вопила? Да нет, вряд ли. Джованна бы мне сказала. Она не раз приходила на помощь, когда меня мучили кошмары.

Я вспомнила красивое лицо, нежную улыбку, печальный взгляд. В глазах защипало. Горло сжал спазм. Почему жизнь так несправедлива? Почему она отобрала единственного человека, который был ко мне так добр?

Я уткнулась в подушку.

Ночь – страшное время. Если поддаться тяжелым мыслям, то те чудовища, которых я видела во сне, могут прийти наяву и не уйдут до самого рассвета.

«Завтра будет новый день. Он развеет темноту и страшные сны», – сказала сама себе и закрыла глаза, пытаюсь уснуть.

К счастью, небо сжалилось надо мной и я провалилась в обычный сон без сновидений.

* * *

Утро выдалось солнечным. Несмотря на предсказанные магами дожди, погода в Адуе радовала настоящим летним теплом, а легкие облака, сгрудившиеся на горизонте, казались мирными и неопасными. Действительно, это же не тучи!

Я села на постели, посмотрела в окно и в первый момент

подумала, что проспала, но взгляд на часы заставил успокоиться. Всего лишь четверть пятого.

– Смотрю, ты ранняя пташка, – удовлетворенно кивнула мне ньора Ноэля, когда я появилась на кухне. В черных, не по возрасту ясных глазах отражались солнечные блики. – Хозяин тоже рано встает, хотя иногда мне кажется, что он и не ложится вовсе, – передвигая на плите большие чаны с париттой, сказала старушка. – Всю ночь на ногах, а чуть свет – так он уже в седле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.